

Ю. МИРОШНИЧЕНКО

КТО УБИЛ КЕННЕДИ

Роман в диалогах

НОВОСИБИРСК 2009 г.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

РЫЖИЙ (Хребтов) – человек лет шестидесяти с небольшим

ЛЕНЧИК

АЧИНОВИЧ

АННА ИВАНОВНА

МАТЬ

ЖЕНА АЧИНОВИЧА

ВАЛЕРКА (Рыжий в юности)

Его друзья и коллеги по шахте:

ГОЦ

ВОЛОДЬКА ЕГОРОВ

КОСТЯ ПЕСЧАНСКИЙ

КОНДРАТЕНКО

САШКА ШВАЛЕВ

КАЗАХ ТУСИПОВ

ВИТЯ КЛАССЕН

МАРУСЬКА

Главный инженер шахты, рабочие, Кеннеди, отец.

Действие происходит в конце пятидесятих годов прошлого века и в наши дни.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Небольшой скромный номер в провинциальной гостинице. Обстановка самая спартанская. Стол, стул, два кресла, две кровати. Во всем следы временного проживания. На столе мобильные телефоны, фотоаппараты, кинокамера, в углу штатив. Повсюду разбросаны стопки газет. За окном серый зимний денек. Метет поземка. Утро. Хребтов (Рыжий) и Ленчик начинают его, как обычно, с так называемого часа, а проще с чтения местной прессы. Со стороны это напоминает легкую разминку накануне предстоящих главных событий. Занятие весьма утомительное и, судя по виду героев, малопродуктивное. Отсюда и соответствующая реакция.

Когда открывается занавес, оба читают.

ЛЕНЧИК. «В поликлинике хороший коллектив». (Делает паузу). Ну, что, здорово. Хотя, с чего ему быть плохим? «Купите лыжи и забудете о дискотеке». Тоже не плохо.

Рыжий не отвечает. Оба читают.

Ну бред собачий, ну, бред. Театр абсурда да и только... Всякую чепуху собирают. И на кого это рассчитано, кто это читает, кроме нас с тобой? А заголовки? Ну где ты еще увидишь? «Требуются настырные сотрудники». Что за настырные, почему настырные? Или такой: «Найдены без вести пропавшие бердчане». (Читает). «Они погибли шестьдесят семь лет назад в бою под Москвой». А-а, нет. Это не то. А вот! «ЖКХ меняет лицо». (Читает). «В результате последних должностных перестановок руководство Бердского ЖКХ значительно помолодело»... Да ты на их рожи посмотри?

Рыжий продолжает читать.

И кто это пишет, кто печатает? (Смотрит на первую полосу). «Бердские известия», «Первая городская газета». Учредитель – администрация области, мэрия города и

трудовой коллектив редакции. Ну, понятно. Выплываем, как можем, используя все доступные и недоступные средства. Представляешь, какой ажиотаж твориться по утрам, в ожидании выхода в свет любимой газеты? Ведь каждый хочет узнать из первых рук, насколько помолодела одна часть чиновников по сравнению с другой. А теперь еще и мы тут. Много там? А то у меня такое впечатление, что по второму кругу пошли. А который час – мы на обед не опоздаем?

РЫЖИЙ. Ты читай, читай.

ЛЕНЧИК. Как читай, как читай? А я что делаю. Я этим только и занимаюсь. Ну, Валерий Иннокентьевич?.. Да я в жизни столько не читал. Заставляет меня читать... А главное – зачем? (Не дождавшись ответа, отодвигает подшивку газет, откидывается на спинку кресла). Так, что нам надо? Чего мы ищем? Не знаю, как тебе, но мне вся эта ситуация напоминает старую китайскую мудрость: можно ли поймать черного кота в темной комнате, когда его там нету?

РЫЖИЙ. Тебя что смущает?

ЛЕНЧИК. Сколько мы с тобой здесь? Два дня? За это время перелопатили тонну, если не больше газет. И близко ничего нет. Ну как-то это должно проявиться? Ну хоть какое-нибудь упоминание о нем, какая-нибудь зацепка: живет он здесь, не живет? Если он, вообще конечно, существует?

РЫЖИЙ. Ты это о чем, точнее, о ком?

ЛЕНЧИК. О нем.

РЫЖИЙ. О нем?

ЛЕНЧИК. О нашем клиенте.

РЫЖИЙ. А ты что, сомневаешься?

ЛЕНЧИК. А ты?

РЫЖИЙ. Я – нет. Объяснить?

ЛЕНЧИК. Да, пожалуйста.

РЫЖИЙ. Потому что, для этого нужны причины. А у нас доселе не было оснований не верить нашим информаторам. Ну, так?

ЛЕНЧИК. Но ты даже не видел его.

РЫЖИЙ. Мы и прежде никогда не видели своих клиентов. Приезжали и знакомились.

ЛЕНЧИК. Ну, тогда хотя бы в общих чертах обрисуй, какой он и что из себя представляет?

РЫЖИЙ. Могу. Если тебе хочется.

ЛЕНЧИК. И какой же?

РЫЖИЙ. Ну, не олигарх, это точно. И зубром не назовешь. Слабоват, не тянет. Видели с тобой и покруче. Не знаю, есть у таких, как он, мошенников, свой табель о рангах... Скорее – обычный, средний, подпольный миллионер, который, судя по заключению аудиторов, оказался, как сейчас говорят, в нужное время в нужном месте.

Пауза. Ленчик устало потягивается в кресле.

Тебя волнует: есть ли деньги?

ЛЕНЧИК. А тебя, нет?

РЫЖИЙ. Думаю, что есть и немалые. Ну что еще? Да... очень осторожный. Считает, что время его еще не пришло, слишком близки события, в которых он замешан. К такому с пустыми руками идти бесполезно, если мы хотим с него получить.

ЛЕНЧИК. И для этого мы ищем дополнительную информацию?

РЫЖИЙ. Не знаю, устраивает тебя моя версия или нет, но так или иначе – и я твердо уверен в этом – без дополнительной информации, без доказательной базы, нам его не взять. Так, что хочешь – не хочешь (показывает на газеты), надо искать. Ну, а как? Шантаж требует подготовки.

ЛЕНЧИК. Зачем?

РЫЖИЙ. Что зачем? Доказательная база? Тебе деньги нужны?

ЛЕНЧИК. Деньги? Нужны. Особенно сейчас. А если не найдем?

РЫЖИЙ. А если не найдем – поедem домой.

ЛЕНЧИК. Да пожалуйста, пожалуйста... Я что, против? Я же не отказываюсь. Ну надо, так надо. (Продолжает читать). «Работать или учиться подростку»? Ну это смотря чему? (Снова листает газеты). «Январские субсидии компенсируют». А постановление об этом на прошлой неделе подписал губернатор Виктор Толоконский... Галиматья! (Внезапно умолкает).

Из ванны раздается хлопок, похожий на взрыв петарды, затем звон разбитого стекла. Какое-то время оба прислушиваются.

РЫЖИЙ. Что там?

Ленчик осторожно заглядывает в ванную и исчезает в ней. Выходит, держа в руках какой-то обугленный предмет.

ЛЕНЧИК (поясняет). Кипятильник. Поставил воду греть и забыл.

РЫЖИЙ. О господи! А я...

ЛЕНЧИК. А ты что подумал? Вор залез или мент?

Оба хохочут.

(Возвращается к чтению). А кем, говоришь, он был? Этот, твой... Михалев?... Ополев?..

РЫЖИЙ. Первым заместителем директора завода. Ну, помнишь, мы читали с тобой материалы контрольно-счетной палаты, как они с директором приватизировали завод.

ЛЕНЧИК. Это когда по полгода зарплату не платили?

РЫЖИЙ. Задерживали зарплату. Вынуждали людей продавать акции, а сами за бесценок эти акции скупали. Потом директор утонул. Купался у себя на даче в Обском море, поплыл и не вернулся. Хотя, говорят, мужик был здоровый, запросто проплывал три километра. А этот исчез.

ЛЕНЧИК. И теперь он здесь?

РЫЖИЙ. Да. Вернулся. Устроился каким-то чиновником в мэрию. Построил трехэтажные особняки себе и сыну в элитном районе.

ЛЕНЧИК. В «Изумрудном городке»?

РЫЖИЙ. Ну мы с тобой видели вчера.

ЛЕНЧИК. И это у нас есть?

РЫЖИЙ. Что? Материалы аудиторов счетной палаты? Ну конечно, а с чем бы мы приехали. Вообще все сходится.

ЛЕНЧИК. Так может нам встретится с ним? Ну, а что сидеть?

РЫЖИЙ. Тут же еще что? Чтобы не вспугнуть его. А то слиняет и потом ищи его. У нас, кроме того, что построил трехэтажные коттеджи себе и сыну нет на него ничего. Пока это единственная зацепка.

ЛЕНЧИК. Ну это не аргумент. Я тоже, например, строю коттедж, не такой правда.

РЫЖИЙ. Я ведь как хотел? Выяснить, чем он занимался, после того, как обанкротил завод и куда он деньги вложил?.. Есть еще сын и дочка. Я не знаю ее нынешней фамилии, но это можно выяснить.

ЛЕНЧИК. И что? Придти к ней и спросить, где ваш папаша деньги прячет? Ну а что? Ты мужчина импозантный. Из Парижа. Расскажешь про Нотр-Дам, Монмартр, про Федора Михайловича. И потом, ты уверен, что это он ухряпал директора? (Что-то узрев в газете). Во! «Бесплатно дадут костыли!» Тебе не надо? Нет, ну смотри. А то представляешь, берешь костыли и ходи. Хоть что-то с этого гребаного городка. Ну не знаю, не знаю...

РЫЖИЙ. По-твоему, они святым духом живут?

ЛЕНЧИК (помолчав). И кто тебе сказал, что в этом городе есть деньги? Мы вчера с тобой обошли его весь. Ты же сам видел. Зрелище удручающее. Кроме этого Изумрудного городка, ничего приличного. Мерзкий, грязный, заплеванный городок. Был завод «Вега» и тот накрылся. Да нет тут ни хрена, тут деньгами и не пахнет. А, если и были, то чиновники, наверняка, их давно между собой расхватили и поделили. (Снова что-то вычитав в газете). Да, кстати. «Крестный ход из Владивостока дошел до Бердска».

(Читает). «Семь паломников, преодолев более шести тысяч километров принесли бердчанам чудотворные иконы и частицы святых мощей...» (От себя). Да, мощей нам еще не хватает. (Читает с пафосом). «Пять дней в неделю, преодолевая мороз, ледяной ветер, недуг и усталость, семь православных путников с иконами и хоругвями идут в Москву. Там, в июне должны сойтись восемь...» (Рыжему). Учти – восемь «что символизирует восьмиконечную звезду Богородицы, пеших крестных ходоков, отправившихся в путь из Владивостока, Якутска, Барнаула, Кемерово...»

РЫЖИЙ. Кемерово?

ЛЕНЧИК. Слушай, а может нам с ними пойти, ну а что сидеть? И вообще название «бердчане» мне не нравится, то ли дело жители города Карасука – мужики карасукцы, а бабы – карасучки. И потом, почему обязательно все чиновники воры? Какое-то извращенное представление. Да может здесь они вовсе и не такие. Изменились. Начитались Солженицына, что рыба с головы гниет, и решили показать народу пример добропорядочного отношения к государственной казне.

РЫЖИЙ. наших чиновников только взрывать надо. Никакие партии, никакие законы им не помогут. Это – корка, как весной лед. Они, как смотрели в рот начальству, так и будут смотреть. Тут динамит нужен. Иначе все живое задохнется.

ЛЕНЧИК (закрывает подшивку и вдруг останавливается). Погоди-ка, погоди. Опа! Как ты говоришь его фамилия? Ополева? Вот тебе и тихий городок. Жуть. Кошмар да и только...

РЫЖИЙ. Кого?

ЛЕНЧИК. Да ты послушай! (Читает). «Вчера в Изумрудном городке зарезали сотрудника мэрии Ополева В. М. и его жену». Вот тебе и волшебники Изумрудного города. Помнишь песенку? (Напевает). «Идем дорогой трудной, дорогой не простой...» (Читает). «Из квартиры чиновника украли деньги и банковские векселя почти на восемьсот пятьдесят миллионов рублей. Приехав в Бердск двадцать пятого января, тридцатидвухлетний зять обнаружил трубы своих тестя и тещи в их квартире в Изумрудном городке».

РЫЖИЙ. А баба-то чем помешала?

ЛЕНЧИК. Вот тебе и зацепка. Ну дня бы на три раньше. Я ведь интуитивно чувствовал, когда шли мимо этого сраного Изумрудного городка. Да. Обидно. Обошли!

РЫЖИЙ. А ты переживал, что здесь ничего нет. Есть деньги. Это называется не обошли, а обскакали.

ЛЕНЧИК. Да зять и зарезал. (Продолжает напевать). «Идем дорогой трудной, дорогой не простой...»

РЫЖИЙ. Да ну ерунда, зачем это ему нужно было? И причем тут трубы?

ЛЕНЧИК. Да не трубы. Если бы трубы. Трупы. Это у меня зубов нету, с дикцией плохо. (Продолжает тему). Сейчас большинство зятевьев и убивает. Женятся, входят в доверие, узнают, где деньги есть и все. А думаешь, мой Игорь не убил бы, если бы у меня миллиард был? И глазом не моргнул. (Подумав). А вообще нет. Побоялся, он трус. Но с другой стороны – миллиард! (Читает). «Двери в элитную квартиру 51-летнего

заместителя начальника отдела строительства и архитектуры мэрии Владимира Ополева, погибшего от ножевого ранения в сердце и его жены, которой перерезали горло за восемьсот пятьдесят миллионов рублей, опечатаны. Одна из версий, по словам начальника штаба Бердского ОВД Ирины Подцепиловой – это заказное убийство». Фамилия какая – Подцепилова. Если бы, мы сразу пошли к нему и деньги были бы целы, и он остался жив.

РЫЖИЙ. Ну может быть. (Показывая на портрет в газете). А это что за гусь?

ЛЕНЧИК. Вот молодец! Дважды сидел за мошенничество, оттуда наугад звонил по сотовому, представлялся милиционером, и выманивал у детей деньги.

РЫЖИЙ. Таким сразу надо яйца отрывать.

Ленчик молча соглашается, но видно, в душе остается при своем мнении. Как все недалекие люди он очень упрям. Ленчику сорок семь лет. О его принадлежности к неугомонному племени киношников, свидетельствует его экипировка – на нем множество всевозможных курточек и жилетиков с кармашками. Он обаятелен, но не так прост, как может показаться на первый взгляд. На все случаи жизни у него приготовлено несколько шуток, которыми он постоянно пользуется. Он знает, что ему надо и не скрывает этого. Хребтов старше Ленчика лет на двадцать (за глаза Ленчик называет его Рыжим). Он умен, циничен, ирония свойственна ему во всем. Он только что вернулся из Парижа. Про него можно сказать, что он удачно вписался в новую реальность. Но в отличие от своих сверстников, чья принадлежность к шестидесятникам, определялась критикой Сталина и чтением Ахматовой, Цветаевой, Мандельштама, его кумир Достоевский. Несмотря на несхожесть Рыжего с Ленчиком, у них довольно крепкий деловой симбиоз.

ЛЕНЧИК (достаёт из кейса бутылку вина, разливает по стаканам. Из кофра – бутерброды. Выходит в коридор, возвращается с электрочайником). Мы ведь так и не отметили твоё возвращение. (Вспомнив о потерянных деньгах, вздыхает). Ну надо же, такой облом... И деньги не плохие. (С раздражением сбрасывает газеты на пол). А мне как раз надо коттедж достраивать. (Поднимает стакан). Ну что, за твой приезд!

Выпивают.

Съездил нормально?

РЫЖИЙ. А чего там не нормально. Там все нормально. И погода, и жизнь, и люди. Встал утром, позавтракал, на самолет и в Париже. Шесть часов по берегу среди дюн и озер... И на месте. (Достаёт из кейса пачку фотографий, бросает на стол).

Ленчик заинтересованно рассматривает их.

ЛЕНЧИК. Ух ты! (Рассматривая фото). А что, ничего.

РЫЖИЙ. А ты думал?

ЛЕНЧИК. Я к тому, что большинство француженки некрасивые. Нет, на самом деле: носатые, худые. Ну, грациозные, понятно...

РЫЖИЙ. Специалист нашелся. Знаю я твой вкус, чтоб в три обхвата...

ЛЕНЧИК. И кто она? Слушай, может чего-нибудь покрепче? (Достает из холодильника коньяк, разливает по стаканам).

РЫЖИЙ. Сестра моего друга, хозяина этого курорта Лорана Распо – Клаудео, я ее Клашкой зову. А это мы в соборе.

ЛЕНЧИК. Серьезно?

РЫЖИЙ. Да это не то, что ты думаешь. Просто смотрели.

ЛЕНЧИК (достает из холодильника новые бутерброды, раскладывает на столе). А как это место называется, все забываю?

РЫЖИЙ. Парпиньян.

ЛЕНЧИК. Парпиньян?

РЫЖИЙ. Да. Это на границе с Испанией. Юг или точнее юго-восток Франции. Еще точнее Французская Каталония.

ЛЕНЧИК. А курорт?

РЫЖИЙ. А курорт называется Малибо Вилар.

ЛЕНЧИК. Красиво. (Начинает заваривать кофе).

РЫЖИЙ. Ты бы внутри посмотрел.

ЛЕНЧИК. Ты про город или курорт?

РЫЖИЙ. И про курорт, и про город. Вот. (Достает из кейса еще пачку фотографий).

Ленчик рассматривает их.

Мы там с ней все объездили, купались, загорали. (Закусывает). Оказывается, существует масса прекрасных столовых вин, которых мы и не знаем – Vin de Table, есть ряд региональных вин – Vin de Pags, есть еще более высокая категория вин – Cgu, которые пьют под улитки, запеченные на открытом огне с соусом айоли, или с овощным супом с мидиями, устрицами, кровяной колбасой... (Заметив перемену в настроении Ленчика). Ну чего?

ЛЕНЧИК. Да, у меня из головы не выходят эти волшебники Изумрудного города.

РЫЖИЙ. Ну кто мог предвидеть? Я сам не ожидал, что так получится.

Снова выпивают.

А вообще я тебе скажу: я не жалею что купил двухнедельную таймшерную собственность. И я благодарен Боре Синявскому, спасибо ему, посоветовал. Теперь два раза в год приезжаю и отдыхаю.

Закусывают.

ЛЕНЧИК. Тебе проще. А представь мою ораву: Нинка, я, Яночка с мужем и дочкой, Ленька с детьми. Какая неделя, где мы там все расположимся.

РЫЖИЙ. Ну и возьми на четыре сезона. Всем места хватит. Каждый будет приезжать в свое время, и отдыхать свое удовольствие.

ЛЕНЧИК. А деньги? (Снова вспомнив о потерянных деньгах, вздыхает).

РЫЖИЙ. Ну все, все, проехали. Конечно, это не Лазурный берег, не Ница, и не Канны. И нет там столько туристов, но там своя прелесть – тихо и уютно. И конечно богатая история. Вот где тебе разгуляться с фотоаппаратом. (Поясняет снимок). Собор святого Иоанна. Четырнадцатый век. В музее – Тинторето, Энгр, Жорико, Майоль. У нас что обычно у мэрии? Ленин с кепкой, а там обнаженная женщина. (Показывает еще

фотографии). Зато мне не надо ничего строить, ничего ремонтировать, не искать таджиков, которые не отличают одну марку цемента от другой. Сколько тебе надо?

ЛЕНЧИК. Много.

РЫЖИЙ. Ну ты скажи.

ЛЕНЧИК. Сколько ты отдал? Вот и умножь на два.

Рыжий встает, приняв какое-то решение.

(Показывая на фото). Не предлагала остаться?

РЫЖИЙ. Да она всегда это говорит.

ЛЕНЧИК. Ну и остался бы. К чему такая спешка? Пожил бы, а там, глядишь, и обвенчался бы в соборе. И я бы со своими таджиками... Или ты, как всегда, начал говорить про свою Ключевую? Сравнить, как там красиво и хорошо?

РЫЖИЙ. Почему?

ЛЕНЧИК. Ну откуда я знаю. Ты всегда так говоришь: «Эх, сейчас бы на Ключевую».

РЫЖИЙ. Ну что, так и будем сидеть? Звони в аэропорт. Ехать надо. И чем быстрее, тем лучше, сам видишь, тут ловить нечего. А то у меня от этого кофе живот разболелся.

ЛЕНЧИК. Куда?

РЫЖИЙ. Как, куда? А разве я не сказал? В Кемерово. В Кузбасс. (Смотрит на часы). Мы прилетели сюда двадцать третьего, сегодня двадцать пятое. Значит... (Начинает собираться).

Ленчик звонит в аэропорт.

ЛЕНЧИК. Ало, девушка. Скажите, у вас есть билеты на Кемерово? Есть? (Рыжему). На какой день?

РЫЖИЙ. На сегодня.

ЛЕНЧИК (в трубку). На сегодня. Хорошо. (Ждет ответа. Рыжему). Ты прав, конечно, ловить тут нечего, но кто знал. Я, например, до сих пор не могу поверить, что так получилось. И вообще, когда приехали, думал, что тут дело тухлое, а оно вон как повернулось. (В трубку). Нету? А на когда? (Рыжему). Только на завтра.

РЫЖИЙ. А сегодня?

ЛЕНЧИК (в трубку). А сегодня никак? (Не опускает трубки).

РЫЖИЙ. Что?

ЛЕНЧИК. Задержка рейса. Погода нелетная в Кемерово.

РЫЖИЙ. А на Томск?

ЛЕНЧИК (в трубку). А на Томск? (Рыжему). Тоже задержка. (В трубку). Куда? (Рыжему). Только на Красноярск. Конечно, всего не предусмотреть.

РЫЖИЙ. Да дело не в этом. Мы теряем время, а это сейчас главное, когда мы отсюда вылетим и когда будем там. От этого в конечном счете будет зависеть все. А еще вот от этой тетрадки, которую мне вручили накануне. (Показывает синюю тетрадку). А сколько от Красноярска до Кемерова?

ЛЕНЧИК. А что? Как в старые добрые времена? Не важно куда лететь, главное, чтоб в том направлении. Помнишь, как в Салехарде?

РЫЖИЙ (усмехается). Это когда со жмуриком летели? Ни один борт на материк не идет, какого-то покойника на Воркуту отправляют, а ты договорился с летчиками сопроводить его. Да хотя бы веревкой гроб привязали. А то, как самолет вверх поднимается, так гроб на нас.

Оба смеются.

ЛЕНЧИК. А как с буровой в Ханты-Мансийск с роженицей выбирались на вертолете? Роды в воздухе принимали. (Допивает коньяк). Да, сейчас нам как раз роженицы и не хватает.

РЫЖИЙ. Или гробика.

ЛЕНЧИК (звонит в аэропорт). Девушка, а на восточном направлении что-нибудь еще есть кроме Красноярска? (Рыжему). Задержка на все рейсы, кроме Красноярска. (В трубку). Оставьте два билета на Красноярск на Хребтова. (Отключает телефон). Вот чертова весна. Я вчера звонил своему приятелю в Томск. Он говорит, у них такая метель, что машины снегоуборочные не проходят. Днем минус два, а ночью все десять.

РЫЖИЙ. А там температура воды в море двадцать пять. Я позавчера еще сходил вечером искупался.

ЛЕНЧИК. Ну и чего тебя понесло? Купался бы, загорал, пока бы тут не устаканилось. (Мечтательно). Да, неплохо бы окунуться в море, погреться на пляже, позагорать. Завидую, просто завидую тем, кто там живет.

Пауза.

Вообще я ждал тебя через неделю. По моим подсчетам ты должен вернуться в следующую пятницу.

РЫЖИЙ. Ну правильно.

ЛЕНЧИК. А почему раньше срока? И сидел бы себе, потягивал вино с улитками, гулял с красивой женщиной. И меня сдернул. Только начал отделку второго этажа, завез материал, рабочих... А за ними глаз да глаз нужен. И вдруг звонок... А там когда надо быть?

РЫЖИЙ. В Кемерово? Встреча завтра.

Ленчик непонимающе смотрит на него.

(Крутит головой). Ну что за идиот, ну дубина...

ЛЕНЧИК. Это ты про себя?

РЫЖИЙ. А то про кого еще? Ведь мы по-хорошему уже давно должны быть там, в Кемерово. Я почему из Парпеньяна сорвался раньше времени? Так вот прочухались, просидели, а все потому, что я балбес, дубина стоеросовая – ну что тут еще скажешь? Время тянул. Хотел уговорить себя, привыкнуть к мысли. И сюда занесло, потому что не был готов, сомневался: ехать – не ехать. А теперь дергаемся. Интеллигент сраный. (Ленчику). Давай, Ленчик, постарайся, придумай что-нибудь, у тебя всегда получалось.

Пауза.

ЛЕНЧИК. Так может бросить все к черту, не пороть горячку? Пойти на паровоз? Ну опоздаем. Что мы, в конце концов теряем? Что измениться, если мы приедем туда на два дня позже?

РЫЖИЙ. Мы должны там быть либо завтра, либо никогда. (Хватаясь за голову). Ну, идиот, ну, так мне и надо.

Пауза.

ЛЕНЧИК. Ты что, встретил кого-то?

РЫЖИЙ. Да. Можно и так сказать.

ЛЕНЧИК. Он кто? Твой друг или старый знакомый? Почему мы должны все бросать и лететь к нему? И я тут причем?

РЫЖИЙ. Ты не причем.

Пауза.

ЛЕНЧИК. Нет, ты уж договаривай. Что случилось?

РЫЖИЙ. Обстоятельства, Ленчик. Обстоятельства. Извини, ну так получилось. Планы поменялись.

ЛЕНЧИК. Да я ни за что не поверю, чтобы ты так просто бросил все. И пляж, и бабу. И приехал. Я что, тебя не знаю. С ума ты еще не сошел. Какие планы, какие обстоятельства? Ты человек свободный... Что-нибудь с француженкой?

РЫЖИЙ. Нет, там все в порядке. Работа, Ленчик, работа. Куда от нее деваться. Сам же говоришь, что деньги нужны. Позвонил человек, попросил помочь в одном деле. А я человек обязательный, пообещал, что помогу.

ЛЕНЧИК. Не понимаю.

РЫЖИЙ (задумчиво). Долги наши, долги. Куда от них денешься.

ЛЕНЧИК. Что, заказ попался? Хотя всех денег, как ты говоришь, все равно не соберешь.

РЫЖИЙ. Может и заказ, назови это так.

ЛЕНЧИК. А раньше таких не было?

РЫЖИЙ (вздыхнув). Таких? Таких, не было.

ЛЕНЧИК. Ну ты меня интригуешь. Прямо детектив. И что это за день такой необыкновенный?..

РЫЖИЙ. Ну такой день. Особый. Просто в другой мы его не найдем.

ЛЕНЧИК. И от него многое зависит?

РЫЖИЙ. Ну можно и так сказать. Вот сядем в самолет. Я тебе все расскажу... Короче, решай, если ты не поедешь... Я поеду сам.

ЛЕНЧИК. Ну почему?

РЫЖИЙ. Потому что он не любит появляться на публике. Только раз и только в этот день. И если мы не увидим его завтра, мы не увидим его никогда. Точнее, мы можем встретиться с ним на улице или еще где-нибудь, но мы не получим того, чего мы хотим.

ЛЕНЧИК. Как это? Ты не знаешь, где он находится?

РЫЖИЙ. Знаю. Но это ничего не меняет. (Помолчав). Думать надо, Ленчик, думать.

ЛЕНЧИК. Что думать. Думай не думай, если погода не летняя. И что это за день?

РЫЖИЙ. Ты что-нибудь слышал про аварию на Чернобыльской АС? Мы с тобой, по-моему, об этом говорили...

ЛЕНЧИК. Ну почему, я даже читал что-то такое. Это когда на Украине атомная электростанция накрылась и радиоактивное облако пошло на Белоруссию и другие сопредельные государства? А он что, ее взорвал? Мистика!

РЫЖИЙ. Да погоди ты, все не так, как ты думаешь.

ЛЕНЧИК. Я как-то видел кинохронику: разрушенная станция, покинутые дома, опустевшие улицы. Все заросло, какие-то огромные яблоки, бродячие собаки, старики оставшиеся в своих домах...

РЫЖИЙ. Просто эта дата памятна ему тем, что в этот день произошел взрыв. Вот он и появляется перед журналистами и рассказывает, какое это было страшное событие...

ЛЕНЧИК. А в чем дело? Он что, участвовал в этом? Он кто? И почему нигде не показывается, живет затворником? Боится кого-то? Или вину какую-то чувствует за собой и не хочет, чтоб об этом знали?

РЫЖИЙ. Он? Хозяин небольшого книжного издательства... Вот взлетим, я тебе все расскажу.

ЛЕНЧИК. Для этого роженица нужна или на худой конец гроб.

Звонок сотового телефона.

РЫЖИЙ. Да, ало? (Закрывает трубку рукой, отходит в сторону). Да, Евгений Абрамович. Нет, еще не вылетали. Задержка из-за погоды. Вот сидим, ждем. А вы звонили Ачиновичу? Встретят? Ну хорошо... Ну как же, ваша тетрадка при мне. Я все помню и про Шахтострой, и про угольный разрез. (Отключает телефон). Волнуется, засранец.

ЛЕНЧИК. Встретят?

РЫЖИЙ. Обещали. Вот ненасытное племя. Глава крупнейшей угольной компании: шахты, угольные разрезы, от Урала до Тихого океана.

ЛЕНЧИК. И наш заказчик?

РЫЖИЙ. Да и наш заказчик, от которого многое зависит. Устраивает тебя? (После паузы, нервно). Ну, Ленчик, ну, милый. Ну что ты ей богу, как малое дитя: кто, да что? Я же тебе сказал: придет время, я тебе все расскажу, а сейчас это касается только меня. Я что, тебя когда-нибудь обманывал?

ЛЕНЧИК (с обидой). Ну правильно, оператор должен снимать.

РЫЖИЙ (взрываясь). Да пошел ты! (После паузы, успокоившись). Ну сколько можно? Да ты оператор. Я автор. Ну и что из этого? Мы с тобой вместе работаем, вместе ищем материал, вместе снимаем, монтируем, мы равны во всем. У нас нет и не может быть друг от друга никаких тайн. Как ты не поймешь – мне не резон скрывать от тебя что-либо, мы одна команда – это специфика нашей работы. Ну извини...

Пауза.

ЛЕНЧИК. Слушай, я тебя давно хочу спросить... А что тебя заставляет этим заниматься?

РЫЖИЙ. Чем, этим?

ЛЕНЧИК. Ну этим. (Показывает на кофр). Ну что спрашиваешь – сам знаешь, о чем я... Ты человек талантливый, известный. Ты бы мог до сих пор работать на телевидении. Тебя и сегодня с руками возьмут на любой канал. И Аркадий Мамонтов звал недавно... Ведь то, чем мы занимаемся... как бы это по деликатней сказать. Ну ты понимаешь о чем я. Я не говорю про риск, хотя и это есть. И вообще, все что мы делаем...

РЫЖИЙ (перебивает). А тебя, что заставляет? (Смеется).

Затемнение. Голос диктора, объявляющий посадку на рейс. И сразу воспоминания. Конец пятидесятых годов прошлого века. Вечер. Огромный пруд. Луна отражается в воде. Анна Ивановна и Валерка (Рыжий) с велосипедами идут по плотине. Тихо шумят деревья. Вокруг подснежники. Анна Ивановна очень красивая, с косой до пояса и осиной талией. Она держит букет цветущей черемухи. Валерке семнадцать.

ВАЛЕРКА. Экзюпери говорил: «Величие всякого ремесла быть может прежде всего в том, и состоит, что оно объединяет людей: ибо ничего нет в мире драгоценнее уз, соединяющих человека с человеком. Работая только ради материальных благ, мы сами себе строим тюрьму. И запираемся в одиночестве и все наши богатства – прах и пепел! Они бессильны доставить нам то, ради чего стоит жить». (Нагибается, срывает подснежник). Красиво?

АННА ИВАНОВНА. Очень. (Нюхает цветок). А запаха нет.

ВАЛЕРКА. Или вот: «Мы дышим полной грудью лишь тогда, когда связаны с нашими братьями и есть у нас общая цель; и мы знаем по опыту: любить – это не значит смотреть друг на друга, любить – значит вместе смотреть в одном направлении. Товарищи лишь те, кто единой связкой, как альпинисты, совершают восхождение на одну и ту же вершину – так они обретают друг друга». Я думаю, это относится не только к летчикам, но и ко всем, кто занимается мужским делом.

АННА ИВАНОВНА. Вы романтик, Валера, и максималист. Вы идеализируете жизнь и людей. Вам обязательно надо поднять людей на катурны, независимо от того, какие они на самом деле.

ВАЛЕРКА. А разве плохо?

АННА ИВАНОВНА. Ну почему, я так не говорю. Только потом очень тяжело разочаровываться.

ВАЛЕРКА (продолжает собирать цветы). Когда идешь по штреку под землей и видишь огоньки шахтерских ламп – возникает ощущение, что это твои друзья подают тебе сигналы и становится, как у Сент-Экзюпери – теплей и радостней. Вы были когда-нибудь в шахте? Ах, да. Вы рассказывали, как ходили на экскурсию с учителями.

АННА ИВАНОВНА. Да, ходила. И мне не понравилось.

ВАЛЕРКА. Грохот, тяжелая работа?

АННА ИВАНОВНА. Нет, они, как бы это сказать... Когда мы проходили мимо, они все время почему-то матерились, кричали нам вслед всякие гадости. Хотя мы не давали к этому никакого повода. Для меня это было дико. И я где-то понимаю тех начальников, которые считают, что только строгостью, жесткой дисциплиной, можно навести порядок, удержать этих людей в рамках.

ВАЛЕРКА. Да, в отличие от героев Сент-Экзюпери они грубы. Там, в пустыне, когда разбивается самолет, пилоты говорят друг другу на вы. Но по своей напряженности, по трудности, есть нечто общее между работой летчика и шахтера. И там, и тут опасность, и там, и тут человек выходит на встречу с ней. И там, и тут природа проверяет человека...

АННА ИВАНОВНА. А человек человека проверяет? Не знаю, возможно, я не права. Я просто плохо их знаю, вы знаете лучше и у вас есть основание не опасаться их.

Появляется Маруська, крашеная блондинка с буйной шестимесячной завивкой. Валерка прячется за Анну Ивановну. Маруська уходит. Следом проходит Гоц, худой, костлявый человек с железными зубами. Он осматривает все вокруг – стены, заборы, столбы, стирает тряпкой какие-то надписи. Анна Ивановна недоуменно наблюдает за ним.

ВАЛЕРКА. Вот, чего, скажем, бояться механику нашего участка Гоцу?

АННА ИВАНОВНА (провожая взглядом Гоца). Каждому человеку есть чего бояться.

ВАЛЕРКА. Каждому? (Снова застывает при виде появившейся Маруськи).

АННА ИВАНОВНА. Да.

ВАЛЕРКА. И мне? (Приседает за Анной Ивановной).

АННА ИВАНОВНА. Про вас не знаю. (Смеется). Хотелось, чтобы это произошло, как можно позже.

ВАЛЕРКА. А вы?..

АННА ИВАНОВНА. Не будем об этом.

ВАЛЕРКА. Извините.

АННА ИВАНОВНА. Почему? Ведь как получается: вот живет человек, живет, мечтает, думает, старается помогать людям, то есть действует по принципам. И вдруг – препятствие и он не смог его преодолеть.

ВАЛЕРКА. И что?

АННА ИВАНОВНА. И что? Он уже сбил планку. А в результате...

ВАЛЕРКА. Этим кто-то воспользовался, вы это хотели сказать?

АННА ИВАНОВНА. Да. Он фактически оказывается на крючке. Не замечали? Он уже не может продолжать жить, так как жил раньше, внутри у него вина, страх... А этим пользуются.

ВАЛЕРКА. А что за планка?

АННА ИВАНОВНА. Ну правила марали, нравственности, долга перед собой, перед близкими,.. государством...

ВАЛЕРКА. А может не стоит на это обращать внимание? Жить и все, наплевать на все принципы?

Снова проходит Маруська. Снова Валерка прячется за Анну Ивановну.

АННА ИВАНОВНА. Тогда общество превратится черт знает во что, где каждый будет диктовать свое, то что ему выгодно. Вавилонская башня. Бог ведь не случайно ее разрушил.

Проходит Володька Егоров. Рукой приветствует Валерку.

ВАЛЕРКА. Ну хорошо: вот живет Володя Егоров, который из тюрем не вылезает и живет моя мать.

АННА ИВАНОВНА. Она верующая?

ВАЛЕРКА. Да.

АННА ИВАНОВНА. А у Володи есть принципы?

ВАЛЕРКА. Почему вы спрашиваете?

АННА ИВАНОВНА. Но ты... (Поправляется). Но вы же собираетесь стать писателем?

ВАЛЕРКА. Журналистом.

АННА ИВАНОВНА. Ну журналистом. Ты хорошо знаешь своих друзей? (Она еще сбивается то на ты, то на вы). Ну еще конкретнее, на них

можно положиться? Ты считаешь, что они надежные, порядочные и не предадут тебя?

ВАЛЕПРКА. В них я уверен, как в самом себе, не согласны?

АННА ИВАНОВНА. Не знаю, может тебе, просто еще не приходилось сталкиваться с человеческой, как бы это так сказать...

ВАЛЕРКА. Ну я понял. Только Володька не такой. На танцах у нас случился скандал, Володька заступился за меня, не побоялся, побил моих обидчиков, хотя их было вдвое больше.

АННА ИВАНОВНА (усмехаясь). На танцах...

Появляются Маруська и Сашка Швалевы. Сашка, коренастый, небольшой мужичек, помогает Маруське нести сумки с хлебом. Валерка снова прячется за Анну Ивановну.

ВАЛЕРКА. А вы считаете, что за каждым из них, что-нибудь да есть?

Проходит мимо Костя Песчанский. Красивый, вальяжный, с золотыми зубами. Улыбается.

АННА ИВАНОВНА. Ну вот этот, большой? Он кто? Как его фамилия?

ВАЛЕРКА. Костя Песчанский. Он с Украины.

АННА ИВАНОВНА. А как оказался здесь, в Сибири? Кто у него родители? Это важно, для того, чтобы узнать человека. И почему не уехал на Украину? Ведь там его родина. Ну также?

ВАЛЕРКА. Есть причина. В плену был.

АННА ИВАНОВНА. Так... Но ведь и вернулись многие? Или вот этот?

Проходит Классен. Огромный, похожий на неандертальца, с большими руками и выступающей вперед нижней челюстью. Здоровается с Анной Ивановной.

ВАЛЕРКА. Витя Классен? Он немец. Витя трудяга, день и ночь может пахать в забое.

АННА ИВАНОВНА. А что его в партию потянуло? Вот... Не знаешь. Песчанский – власовец, этот – немец, Васька Зарубин – бендеровец. И так кого не возьми, у каждого есть тайна, которую он скрывает.

ВАЛЕРКА. Ну не скрывает, а прячет от других, старается не выпячивать. Сашка Швалев, например, до пятьдесят шестого года ходил в комендатуру отмечаться, как сын кулака.

АННА ИВАНОВНА. И от того пьют?

ВАЛЕРКА. Не знаю, не думал.

АННА ИВАНОВНА. Вот я и говорю... Ведь уголь может рубить и раб, и свободный человек. И не важно какой он национальности. Важно – что для него человеческое достоинство, честь, гордость. Как я понимаю, помочь человеку, вытащить его из завала, в этом, скорей, есть обычное чувство самосохранения: ты – мне, я – тебе. Это сможет и раб. Но есть ситуации, когда человек должен пожертвовать собой, чтобы остаться человеком. И на это способен только свободный человек. Но вот ты, чего так боишься Марии, чего прячешься?

Валерка хохочет.

ВАЛЕРКА. Помогал Сашке подлечиться, в Лиепаю съездить. А вы не обидитесь, если я буду рассказывать... Но тут никак не обойтись без острых моментов.

АННА ИВАНОВНА. Лучше бы обойтись.

ВАЛЕРКА. Попросила меня Маруся, чтобы я путевку Сашке достал. Ну как так, говорит, все на курорты ездят, а он двадцать лет в забое и ни разу не был.

АННА ИВАНОВНА. А ты имеешь... (Снова поправляясь). А вы имеете влияние?

ВАЛЕРКА. Давайте на ты? Да какое влияние? Просто я Павлу Сидоровичу, нашему секретарю парткома, помогаю доклады писать. Ну не сами доклады, а вставки, как у Хрущева, чтобы вызвать смех в зале. Сейчас это модно. Смешные истории, факты из жизни шахты. Ну поговорил я, дали Сашке путевку. Провожали всем баракком. Маруся – гордая, вся светиться, Сашка – гоголем. Уехал, письма слал, а потом вернулся. Встречали, столы, как всегда у барака выставили, пели.

АННА ИВАНОВНА. Ну и?..

ВАЛЕРКА. А через две недели Сашка побежал в венерический диспансер, а за ним Марусяка...

Анна Ивановна морщится.

Ну, извините. .

МАРУСЬКА (заметив Валерку). Ах ты, засранец, вот ты где?! Ну я тебе устрою. Прятаться он от меня будет. Ван Клиберн засратый. Да я тебе все кудри повырываю. (Замахивается сумкой на Валерку, тот пытается увернуться).

ВАЛЕРКА. За что?!

МАРУСЬКА. За что? А то не знаешь? Я тебе дам за что! Кто путевку доставал, курорт нахваливал? Сашку и меня уговаривал? Никогда в жизни не ездил, а тут отправила на свою голову. Ну придешь ты домой, я тебе еще не так задам. (Уходит с Сашкой).

Анна Ивановна помогает Валерке встать. Оба смеются. Опять появляется Гоц, оглядывается вокруг, заметив на стене свежую надпись: «Гоц убил Кеннеди», стирает ее. Валерка прикладывает палец к губам: «Т-с с!» Прячется с Анной Ивановной за куст сирени.

АННА ИВАНОВНА. Кто это? Что он делает?

ГОЦ (заметив Валерку). А ну-ка иди сюда, иди.

ВАЛЕРКА. Ну чего?

ГОЦ. Это твоя работа? Покажи карманы. (Выворачивает у Валерки карманы). Ну вот, вот. Мел. Откуда?

ВАЛЕРКА. Но вы же сами его дали, трубы негодные метить.

ГОЦ. Вставай к столбу! Вода есть?

ВАЛЕРКА. Да не писал я!

ГОЦ. Вставай, вставай!

Валерка упирается руками в стену. Гоц забирается ему на спину, стирает тряпкой надпись. Потом спрыгивает. Валерка продолжает стоять.

Ну, чего стоишь?

ВАЛЕРКА. Чего, чего? Вы мне позвонок сломали. Ой, не могу!

ГОЦ. Какой позвонок? Какой позвонок я ему сломал, что ты буровишь? Сломал я ему.

ВАЛЕРКА (нащупав рукой место на спине). Четвертый.

Гоц, подумав секунду, трет ему спину. Уходит с тряпкой. Из укрытия выходит с велосипедами Анна Ивановна, смеется.

АННА ИВАНОВНА. Объясни пожалуйста, что все это значит и что это за человек? По-моему, я его где-то видела.

ВАЛЕРКА. Это и есть тот самый знаменитый Николай Иванович Гоц. Наш механик.

АННА ИВАНОВНА. Чем знаменитый? Мужичек, как мужичек? А-а, это тот, который?..

ВАЛЕРКА. Убил Кеннеди. Вот, даже и вы знаете.

АННА ИВАНОВНА. Но это же бред. Ну, как? Каким образом?

ВАЛЕРКА. Каким образом, каким образом, вот сейчас и выясняет прокурор Гарисон в штате Алабама. Как выяснят, так и узнаем.

АННА ИВАНОВНА (качает головой). Абсурд. Сумасшедший дом.

ВАЛЕРКА. Почему? Нет дыма без огня, тем более, я скажу вам по секрету, в ту ночь, когда убили Кеннеди, Гоц не ночевал дома. И Муся это подтверждает. Да вы спуститесь в шахту, там весь ствол, все вагонетки, все стойки – испещрены: «Гоц убил Кеннеди». Что, думаете, зря пишут?

АННА ИВАНОВНА. Чепуха какая-то! Да ну, делать нечего! (Хохочет). Взрослые мужики... И он тоже. Чего бояться?

ВАЛЕРКА. Вот в том-то и все и дело. Сами же говорите... А сейчас потепление отношений между нами и Америкой. Вот и думай: пока участок нормально работает, план выполняет, конечно не тронут. А случись что? Сломался конвейер, встали забои или какая другая авария? Кто будет укрывать убийцу? Выдадут как миленького. Я вам больше скажу, его шурик видел, как Гоц ружье зарывал на огороде.

АННА ИВАНОВНА (после паузы). Это твоих рук дело?

ВАЛЕРКА. Что?

АННА ИВАНОВНА. Ну вся эта история?

ВАЛЕРКА. Вы, не верите? Ну спросите в школе, у вас же много наших учится.

АННА ИВАНОВНА. Честно скажу, мне трудно понять, когда ты говоришь правду, а когда заливаешь.

Валерка пытается ее обнять.

(Отстраняя его). Цветы помнешь. Что это у тебя?

ВАЛЕРКА. «Женьминьжибао», газета китайских коммунистов.

АННА ИВАНОВНА. Ты что, китайский знаешь?

ВАЛЕРКА. Ну так...

АННА ИВАНОВНА. Ну зачем это тебе?

ВАЛЕРКА. Ну как? Вот еду в трамвае на смену, интересно почитать, что там у наших братьев – китайцев. В чем их критика? А что и вы слышали?

АННА ИВАНОВНА. Да про это все знают. Говорят, как Валерка едет в трамвае на смену, так обязательно «Женьминьжибао» читает.

ВАЛЕРКА. Ну, а что особенного? Они наши оппоненты, почему бы и не поинтересоваться, в чем наши разногласия в тактике и стратегии, и не взять на вооружение то, что полезно.

Анна Ивановна разворачивает газету и получает от Валерки поцелуй..

АННА ИВАНОВНА. Ой! Да ты еще на полях и пометки делаешь. Нота бена.

ВАЛЕРКА. Ну, а что? Как Ильич.

АННА ИВАНОВНА. И какова реакция?

ВАЛЕРКА. О-о, реакция самая положительная! Всех интересует о чем пишет газета китайских коммунистов.

АННА ИВАНОВНА. И о чем же, если не секрет?

ВАЛЕРКА. Да никакого секрета. На любом канале радио, телевидения, это повторяют. Ну например: «Ветер с востока сильнее, чем ветер с Запада».

АННА ИВАНОВНА (смеется). «Империализм – бумажный тигр».

ВАЛЕРКА. Вот видите и вы знаете, хотя не читаете, насколько мне известно, «Женьминьжибао».

Оба останавливаются у дома с березами. Во дворе турник, штанга, гири. Из дома появляется высокий плотный человек в очках и спортивном костюме.

АЧИНОВИЧ. Аня! Это ты?

АННА ИВАНОВНА. Сейчас иду.

АЧИНОВИЧ. Учти, к нам завтра должны быть гости, ты не забыла? (Начинает приседать со штангой).

АННА ИВАНОВНА. Успеем. Я сказала маме, она все приготовит.

Закончив приседать, Ачинович подходит к воротам.

АЧИНОВИЧ. А это, что за дубликат? (Анне Ивановне). Ладно, иди в дом. (Возвращается к штанге).

АННА ИВАНОВНА (Валерке). Ну все, поздно уже, до свидания. В школе договорим.

Валерка отдает ей подснежники.

ВАЛЕРКА. А хочешь я открою тебе еще одну тайну – это не китайская газета «Женьминьжибао».

АННА ИВАНОВНА. А что?

ВАЛЕРКА. Это газета корейских коммунистов «Чучхэ».

Оба смеются и расходятся.

В салоне самолета Рыжий читает книгу. Ленчик пытается дремать, но у него не получается.

ЛЕНЧИК. Так о чем мне хотел поведать наш великий комбинатор?

РЫЖИЙ. Ты про что?

ЛЕНЧИК. Ну как про что? Ты же сам сказал, что сядем в самолет и ты все расскажешь. Или передумал? Заинтриговал ты меня, Валерий Иннокентьевич. Не зря же ты бросил девушку в Перпиньоне? Меня сдернул с дачи? Слушай, а вообще, коттедж получается – зашибись ... ну так может объяснишь мне, кто он, этот таинственный незнакомец? Олигарх? Наркобарон?

Рыжий усмехается. Задумчиво молчит.

РЫЖИЙ. На почитай. (Подает Ленчику иллюстрированный журнал).

ЛЕНЧИК (читает). «Герой соцтруда». Ух ты. «Замминистра»... «Депутат Верховного совета». Да... (Закончив читать). А сейчас – скромный труженик Корейко?

РЫЖИЙ. Я тебе уже говорил, что я не считаю это высокой литературой, но если хочешь, вроде того.

ЛЕНЧИК. Ну это серьезно? Досье есть?

РЫЖИЙ (показывает голубую тетрадку). Серьезней не бывает.

ЛЕНЧИК. Мороки с ними с этими пенсионерами.

РЫЖИЙ. И почему – Великий комбинатор?

ЛЕНЧИК. А тебе не нравится? Я иногда сравниваю то, что делаем мы и то, что делал Остап Бендер. Ну один к одному. Белых штанов только не хватает.

РЫЖИЙ. Ну если тебе так нравится...

ЛЕНЧИК. Также как Остап входим в доверие к гражданам. Он под видом милиционера, мы – под видом работников центрального телевидения. Ну какие мы в жопу журналисты?

Рыжий пожимает плечами.

Мы киллеры. Самые настоящие. Разница только в том, что те с винтовками, а мы с кинокамерой. И схема та же. Ездим, выискиваем жертву из нуворишей, собираем компромат и шантажируем. Вот и сейчас летим...

РЫЖИЙ. И что, убиваем?

ЛЕНЧИК. Обдираем.

РЫЖИЙ. А тебе жалко?

ЛЕНЧИК. Кого?

РЫЖИЙ. Тех, кого обдираем?

ЛЕНЧИК. Да их, что жалеть. Они воры. Просто не нравится мне все это. Погано. Ты же не станешь мне возражать и говорить, что мы чистильщики, что надо кому-то очищать страну от дерьма...

РЫЖИЙ. Почему?

ЛЕНЧИК. А все потому, Валерий Иннокентьевич, что не похож ты на защитника народа. И твое мнение о народе мне известно. Вот и сейчас, я не знаю, серьезно ты говоришь или, как всегда, шутишь?

РЫЖИЙ. А кто по-твоему защитники, те, кто бьет себя кулаком в грудь и говорит, что народ у нас замечательный?

ЛЕНЧИК. Да про этих я вообще молчу. Тебе я могу поверить. Ты – циник. Или я не прав? У тебя, кого ни возьми – все говно. Скажи, а есть такие, которые не попал в их число?

РЫЖИЙ. Так я тебе и расколосся. И никто тебе не скажет ничего о себе, разве что силой заставишь. Это в пору моей молодости, был у меня такой случай, когда обрыдла мне вся эта марксистско-ленинская идеология, ну достали, врут и врут... И я придумал такую штуку. Забраться ночью в спальню к главному идеологу партии Суслову – был такой секретарь ЦК, и заставить его сказать – верит он в то, что говорит или просто дурит голову нашему брату? И это обнародовать. Но не вышло. Вскоре и Суслов помер, и страна развалилась.

Оба смеются.

А может я, как Солженицын – ненавижу любя или любя ненавижу.

Пауза.

ЛЕНЧИК. Кстати, ты не ответил мне?

РЫЖИЙ. Про работу? А чем она тебе не нравится?

ЛЕНЧИК. Да мне то что. Я не ты. У тебя, какое ни какое, имя, известность. Ты бы мог писать. А я кроме камеры ничего не знаю. Ты ведь работал на ЦТ и неплохо работал.

РЫЖИЙ. А если я скажу: деньги. И что?

ЛЕНЧИК. Не хочешь – не говори. Но не жадность же, в конце концов. Деньги для тебя никогда не были главным. Вот захотел – во Францию поехал. И в случае с Бродским я, например, до сих пор тебя не понимаю. За что ты его побил, что тобой двигало? Оскорбленное достоинство? Эпатаж, желание скандала или что-то другое? Ты же себе отдавал отчет, на что шел: известный поэт, будущий Нобелевский лауреат... И потом, твой приятель?

РЫЖИЙ (усмехаясь). Так может поэтому?

ЛЕНЧИК. А это никак не связано с твоей?..

РЫЖИЙ. С моей отключкой? Не знаю. Не думаю. Повод не тот. Хотя всякий раз это происходит по-разному. Иногда – головная боль, температура, бред. Кажется, на тебя стены валятся. А то бывает – звук, словно струна лопается, потом тишина... И все, ты не владеешь собой. Потом трудно отходить, сил нет... Ну, а с Бродским в ресторане – как? Ёся настучал моей жене, что я ей изменяю, а мне сказали... Если по честному, я и не хотел его бить... Ты прав: да и зачем? Но сейчас приступы реже.

Пауза.

(Продолжая тему). А работа, как работа. Не понимаю, чем она тебя не устраивает? Есть и покруче. Более того, нравится тебе это или нет, когда по сути отсутствует система сдержек и противовесов – вполне пристойная. Мы заполняем брешь, образовавшуюся в результате несовершенства наших законов. Или, как модно говорить, правового нигилизма. Отменили первые отделы – рынок все поставит на свои места – а в результате? Вообще я не понимаю тех, кто говорит, что воров надо садить. Ими легко можно управлять, если держать на крючке. Мы с тобой хоть одного невинного обидели? Приговорили к стенке? Да, мы работаем под видом работников центрального телевидения. Ну, а как? Крыша в любом случае нужна. И ты, наверное, прав, называя нас современными Остапами. Да, мы проводим свое журналистское расследование, собираем досье, а потом предъявляем его: хочешь, чтобы мы обнародовали его, хочешь попасть на телеэкран? А уж как кто поступает – это их, как ты говоришь, комсомольское дело.

Пауза.

Послушай, что люди говорят. И власть про тоже. А мы конкретно работаем с этим материалом. Так что в принципе, с моральной точки зрения, у нас нет никаких противоречий ни с властью, ни с народом.

ЛЕНЧИК. Ну, а последний случай?

РЫЖИЙ. А что последний случай? Жаль, конечно, мужика, но это уже издержки... Такое и без нас могло случиться. Мы же не виноваты, что он всю жизнь крал. Вор, укравший не один десяток миллионов. А думаешь, там крови не было? Жадность сгубила, не берег себя, а сердце не камень. Ты все правильно говоришь, но люди мало изменились с тех пор, как существует мир. И Остапы всегда были и будут в этом море бушующем.

ЛЕНЧИК. А не боишься?

РЫЖИЙ (смеется). Что раскроется? Исключено.

ЛЕНЧИК. Ну, скажем, позвонят на ЦТ.

РЫЖИЙ. И что? Во-первых, никто никуда не позвонит. Потому что, прежде чем звонить на ЦТ, они будут иметь разговор со мной. А так как у каждого остается все равно, что-то такое, чего он до конца не раскрывает, прячет, то я даже не зная об этом конкретно, намекну ему, что могу огласить нечто такое, от чего ему будет, ох как нехорошо. Поэтому в его интересах молчать, не создавать себе дополнительные трудности.

ЛЕНЧИК. Ну не знаю...

РЫЖИЙ. А я знаю. Еще в юности, одна умная и красивая женщина сказала мне, что в любом человеке, если покопаться, найдешь такое, что делает его уязвимым. Во-вторых, никто им не поверит, посчитают, что это просто клевета, сведение счетов.

ЛЕНЧИК. А закон?

РЫЖИЙ. А что закон? Назови хоть один факт, когда бы кто-то из наших клиентов, жаловался на необъективность или, я не знаю, предвзятость наших расследований. Хотя с формальной точки зрения, у них были все основания.

ЛЕНЧИК. Ну да: накрал денег, сидит себе в коттедже и в хрен не дуют. А тут мы: тук-тук... Мы к вам.

РЫЖИЙ. Вообще на эти темы я не люблю говорить. Но коли зашла речь, я тебе так скажу: закон есть закон, а компромат – это компромат. И чтобы там не говорили про первые отделы и то, что они сейчас не нужны – все это несерьезно. Компромат был и останется. Я даже подозреваю, что многие из тех, с кем мы имеем дело, ждут нас, и сами того не сознавая, внутренне готовы к нашему приходу, ибо только компромат придает их существованию хоть какой-то смысл.

ЛЕНЧИК. Ты считаешь, зря их отменили?

РЫЖИЙ. Кого? Первые отделы? Да их и никто не отменял, они как были, так и остались.

ЛЕНЧИК. Как это?

РЫЖИЙ. Да так. (Показывает пальцем наверх).

ЛЕНЧИК. Не понял? Ты о чем?

РЫЖИЙ. А разве ад – не первый отдел?

ЛЕНЧИК. Да я как-то не думал. Наверное, поэтому многих Он и не устраивает и они отказываются от его услуг.

РЫЖИЙ. А зря. Ничего лучше системы: рай – ад, человек не придумал. Как Иисус ответил, когда Пилат сказал, что имеет власть распять его или отпустить: не имел бы ты надо мной, никакой власти, если бы тебе не было дано свыше. И волос не упадет с меня без него. Это значит, ничто, никакое прегрешение не проходит бесследно. А каким образом с тебя спросят: будешь ли ты кипеть в смоле или, в конце концов, превратишься в ужа или лягушку?.. (Цитирует). «Изыдут ангелы и отделят злых из среды правоверных. И ввергнут их в печь огненную, там будет плач и скрежет зубов». Главное, чтобы люди понимали и помнили, что наказание неотвратимо.

ЛЕНЧИК. Зачем?

РЫЖИЙ. Потому что все люди дети. А наши в особенности. Да ты любого возьми: немца, еврея, француза, китайца. У каждого своя цель: один – стремится к порядку, другой – к превосходству, третий – к красоте, для четвертого важен ритуал. И только нашему – все до фени. Ему и деньги не нужны. Для него все суета сует и томление духа. Ну и убери от него страх. И что будет? Мы и первые отделы придумали, потому что наш человек, как черт ладана боится ответственности. А вот когда его вызовет к себе на беседу специально поставленный дядька, да возьмет в оборот... Тут наш человек почувствует свою ответственность и вспомнит про то, что работать надо. Ведь, что такое в сущности первый отдел – это контроль, причем не явный, а тайный, а это немаловажно.

ЛЕНЧИК (усмехается). А свобода выбора?

РЫЖИЙ. Это прекрасно. Но недаром говорят: хозяин нужен.

Пауза.

Сейчас модно ругать бога, Сталина, первые отделы. Вот выбрали бы себе другого бога и все было бы по другому. Не знаю, предлагали нам монголы своего Будду, не читал. Ну, допустим, что и бог другой, и Сталина не было, и лагерей, и первых отделов. И что? Что изменилось бы? Ну люди бы поменялись, стали помягче, тем более мы по натуре близки индусам. А климат? Он что, тоже изменился бы? Стал другим? Его же не отменишь и не изменишь. И кто бы тогда выгонял людей на работу, когда на улице минус сорок да еще с ветром? Или думаешь нашлись добровольцы и сами пошли? А вот тут я сильно сомневаюсь. У меня был знакомый бригадир строителей по фамилии Русаков – фронтовик, герой соцтруда. Ему мороз – не мороз, он брал людей за шиворот и пинками выталкивал из теплушек на улицу. И они шли и строили, но ворчали конечно... И это не потому, что мы такие плохие и ленивые, а от отчаяния, огромных пространств, на обустройство которых у нас никогда никаких сил и никакой жизни не хватает. Ты можешь себе представить нашего мужичка, сидящего под березой в сугробе в позе лотоса – а в Сибири, как известно, пальмы не растут – и играющего на дудочке? Я, например, не могу.

ЛЕНЧИК. А этот, к кому мы летим?..

РЫЖИЙ. Ты хотел спросить, что он за человек? Нет, он не олигарх и не наркоборон. Он пенсионер. (Смеется). Что, не ожидал?

ЛЕНЧИК. Ну в самом деле? А причем тут мы? Нет, я понимаю, там ректор ихнего университета, устраивал в аспирантуру, принимал студентов за взятки. Сколько он нам отвалил?

РЫЖИЙ. Не помню. Все равно раскрыли и турнули. (После паузы). Нашел тоже, кого жалеть. (Показывает на портрет в журнале). Вот такие, как этот и жили тогда. Пользовались всеми благами жизни. А уж компроматом – тем более. Никого не щадили. И как видишь, неплохо дожили до наших дней.

Пауза. Летят. Ленчик рассматривает книгу, которую читает Рыжий.

ЛЕНЧИК (читает). «Кто убил Кеннеди?» Да, красивый был мужик. Я читал, будто перебежал он кому-то дорогу. И что за убийцами стояли какие-то могущественные силы, и что в этом чуть ли не замешена его жена?

РЫЖИЙ. Да, история запутанная, но это еще ни о чем не говорит.

ЛЕНЧИК. Поймали этого... Освальда. Его убил Руби. Потом убили Руби. И то что Мэрлин Монро причастна к этому, и что у него был огромный компромат на Никсона, который считался его соперником. А сколько других версий, допросов... И до сих пор никто так и не дал ответа: кто же все-таки его убил, и кому это выгодно, а тем более, сейчас, когда столько лет прошло. А ты так не считаешь?

РЫЖИЙ (уклончиво). Судьба всегда играет одними и теми же картами.

Пауза. Летят.

ЛЕНЧИК. Сейчас вернусь домой и сразу начну второй этаж. И не выйду пока не закончу. Ты знаешь, меня уже трясет – я смотреть не могу ни на зятя, ни на дочку. А ты как всегда во Францию, в свой Малибо?

РЫЖИЙ. Мы вместе поедem. Вместе. А сейчас на Ключевую.

ЛЕНЧИК. Ты мне с этой Ключевой все уши прожужжал. Это на тебя поездка во Францию так повлияла?

РЫЖИЙ. В какой-то мере. Вот смотрел на море, на пляжи, на виноградники, и так вдруг захотелось на Ключевую. Это как в том анекдоте,

когда мужик попал на парфюмерную фабрику, на дегустацию духов. Дают ему одни духи – прекрасно! Дают другие – великолепно!.. Нюхал он нюхал и вдруг взмолился, дурно стало. Не могу: дайте хоть маленький кусочек дерьма.

ЛЕНЧИК. Что-нибудь необычное? Алтай?

РЫЖИЙ. Да какой Алтай, это ближе. Отроги Горной Шории.

ЛЕНЧИК. Водопады?

РЫЖИЙ. Да нет, нет там водопадов.

ЛЕНЧИК. Сопки?

РЫЖИЙ. Ну есть там небольшие сопки, омута.

ЛЕНЧИК. Рыба?

РЫЖИЙ. Ну три-пять хариусов поймаешь. А что тянет? Ты как мой брат Вилька, который дальше Ключевой нигде не был. Когда ему рассказываешь, где был, что видел – он всегда спрашивает: «Что, красивей, чем на Ключевой?» Вообще, тянет не красота, а что-то другое. Детство, юность...

Ленчик снова показывает на книгу.

ЛЕНЧИК. А ты считаешь, что тогда не до конца разобрались в этой истории?

РЫЖИЙ. Да, я думаю, что в ходе следствия были допущены ошибки и подтасовки. Но остановились на версии, что Освальд был убийцей-одиночкой.

ЛЕНЧИК. Тем более, что Освальд, насколько я знаю, жил недолго у нас.

РЫЖИЙ. Но это еще ни о чем не говорит. И связь его с нашей разведкой тоже не доказана. Посчитали, что так будет лучше для всех, и для Америки прежде всего. И замяли, чтобы не баламутить народ. Как говорил Гете: «Лучше несправедливость, чем беспорядок».

ЛЕНЧИК. А ты считаешь, что страна должна знать своих героев?

РЫЖИЙ. Стандарты нужны. Стандарты. Без этого нельзя. Как у китайцев? Определили, что Мао прав на семьдесят процентов и не прав на тридцать. И с этим живут. А у нас? Скоро век будет, как трясут Трофима Денисовича Лысенко. И какой он был ретроград, и как он загубил генетику. А того не помнят, что была у нас ученая, академик, которая решила стереть грань между городом и деревней. И стала укрупнять – свозить деревни в одну кучу, чтобы и сортиры теплые были, и газ в домах. А в результате ни того, ни другого? Все села порушила. И ничего. Да чего там села? Россию. Ведь что такое для нас деревня – это наша душа. Да Трофим Денисович и сотой доли того вреда не принес.

ЛЕНЧИК. А кому тогда реформы проводить?

РЫЖИЙ. Да нашлись бы, у кого тут есть (Показывает на голову). А ты это к чему? Я не пойму. Или меня снова, в чем-то подозреваешь? Что общего у меня с Кеннеди? (Хохочет). Ну, Ленчик, ну милый, ну мы же с тобой договорились. Просто подвернулась книжка под руку, вот и взял почитать в дорогу. Иногда, знаешь, полезно освежить в памяти кой-какие события.

ЛЕНЧИК. Я сам читал, что дача Кеннеди находится на Средиземном море рядом с дачей Онасиса.

Пауза.

РЫЖИЙ (неожиданно серьезно). Был там еще один человек.

ЛЕНЧИК. Думаешь, это он?..

РЫЖИЙ. Ты хочешь спросить, почему его не выдали? Но тогда у нас было другое государство и другие отношения. И был, как говорили, паритет сил. Так что он находился под надежной охраной. Сейчас бы конечно, могли и выдать.

ЛЕНЧИК (еще не до конца принимая правила игры). И что? Об этом было известно, писали в газетах, сообщали по телевидению, радио?

РЫЖИЙ. Нет, в газетах не писали, но вот в стволах, забоях, на угольных вагонетках – а он был шахтером – писали. Мелом. А он ходил с тряпкой и стирал.

Пауза.

Я знал его.

Свет в самолете гаснет и сразу вспыхивает. Комната в бараке. Убогая послевоенная обстановка. Валерка спит на одной кровати с младшим братом, на другой кровати сестра.

МАТЬ. Валерка!

ВАЛЕРКА. Ну че надо?

МАТЬ. Вставай! Я тебе говорю. В шахту надо.

ВАЛЕРКА. Не могу, сил нет!

МАТЬ. Я что, так и буду стоять над тобой? Вот гулена! (Тащит его с кровати). Ну сынок!

ВАЛЕРКА. Ну отстань, не трогай меня! Не хочу я никакой шахты.

МАТЬ. Поднимайся и не разговаривай! Гоц приходил. Авария на шахте.

Валерка внезапно вскакивает.

ВАЛЕРКА. А сколько сейчас времени?

Свет в комнате гаснет. Вспыхивает в шахте, где сидят шахтеры в касках. На стойках, кое-где видны нестертые надписи «Гоц убил Кеннеди».

ГОЦ. Авария случилась ночью на втором районе шахты. Прорвало пульпу. Люди выскочили, но часть шахты затопило. Пострадал и наш участок. Правда не сильно, но все-таки... Заилило верхнюю часть штрека и прилегающую к нему лаву. Нижние лавы – в рабочем состоянии. Чтобы нам сохранить добычу, надо ввести в действие новый штрек и наладить транспортировку угля. А для этого необходимо вытащить уцелевшие трубы из ската, часть конвейеров, и смонтировать их.

ВОЛОДЬКА. За сколько?

ГОЦ. За праздники.

ВОЛОДЬКА. За три дня? Ну ты даешь, Николай Иванович: все будут отдыхать, пить, гулять, а мы тут три дня пластаться.

КОСТЯ ПЕСЧАНСКИЙ (Гоцу). Я тоже не могу, у меня рыбалка.

ГОЦ. Потом съездишь.

ШВАЛЕВ (с опухшим лицом, еще не оправившись от похмелья). Да ну, за три дня...

ГОЦ. Это приказ начальника шахты. А ты, Швалев, помолчал бы. Ты еще свои прогулы не отработал. Что, забыл? Поработаете три дня – получите отгулы. Есть еще вопросы? Кому не понятно – обращайтесь к начальнику шахты. (Заметив нестертую надпись, Валерке). Ну-ка помоги.

Валерка привычно делает стойку у стены. Гоц забирается ему на спину, стирает надпись.

ВОЛОДЬКА. Ну чего сидим? Пошли что ли?

ГОЦ. Погоди.

От забоя поднимаются еще человек пять шахтеров. рассаживаются.

ВОЛОДЬКА. Что еще?

ГОЦ. У нас еще собрание. (Пришедшим). Рассаживайтесь поудобней.

ВОЛОДКА. Какое на хрен собрание? Ты о чем? Придумал тоже. Тебе нужны трубы и конвейер? Ну, совсем уже.

ГОЦ. Открытое, партийное.

ВОЛОДЬКА. А мы что, коммунисты?

ГОЦ. Я же сказал – открытое.

ВОЛОДЬКА. Да хоть открытое, хоть закрытое. Нашел время. И чего это тебе так загорелось? Ни раньше, ни позже.

КОСТЯ ПЕСЧАНСКИЙ (с иронией). Это как перед боем.

ГОЦ. Нам надо обсудить кандидатуру Виктора Классена.

ВОЛОДЬКА (Классену). А ты что, в партию собрался?

ШВАЛЕВ (не скрывая своих мучений). А че тут обсуждать, что мы его не знаем?

ГОЦ. А ты не коммунист, так молчи. Вопросы?

ВОЛОДЬКА. Рекомендации есть?

КЛАССЕН. Да.

ШВАЛЕВ. Да что там обсуждать, только время теряем. Давайте голосовать.

ГОЦ. Голосуют только коммунисты.

ШВАЛЕВ. Понятно. Как голосовать, так коммунисты... Как он работает, мы знаем. Ну, а че? Не так что ли? Ночь-полночь, ползет в забой. (Срывается с места и убегает в темноту выработки).

Слышатся характерные звуки. Все зажимают носы, отворачиваются.

ВОЛОДЬКА. Все бы такие коммунисты были.

ГОЦ. Погоди. Пусть коммунисты скажут.

КОНДРАТЕНКО. Семейное положение?

КОСТЯ ПЕСЧАНСКИЙ. А ты не знаешь?

КОНДРАТЕНКО. Мы-то знаем, а там спросят. Сколько у тебя?

КЛАССЕН. Трое.

КОНДРАТЕНКО. Мальчишки?

КЛАССЕН. Двое мальчишек и одна девчонка.

КОНДРАТЕНКО. Нормально.

С трудом, переставляя ноги, возвращается Швалев.

ГОЦ. По уставу?

ВОЛОДЬКА. А ну-ка скажи, что является высшим органом партии?

ШВАЛЕВ (Володье, восхищенно). Вот насобачился в своих тюрьмах.

ВОЛОДЬКА. А ты посиди с мое, еще не так насобачишься.
(Классену). А что такое демократический централизм?

Заминка.

Вот видишь – не знаешь. Надо уставчик подучить.

КОСТЯ ПЕСЧАНСКИЙ. Ты лучше про Кеннеди спроси.

ГОЦ. А причем тут Кеннеди? Не надо.

ШВАЛЕВ (тяжело дыша). Ну как? Международное положение. Это все должны знать.

ВОЛОДЬКА. Конечно, интересно.

ГОЦ. Ну убили и убили, что тут интересного?

ШВАЛЕВ. А то: столько людей вокруг, центр города и ухряпали мужика?

ВОЛОДЬКА. Среди людей-то и легче убивать.

КОСТЯ ПЕСЧАНСКИЙ. Ну это тебе лучше знать.

ШВАЛЕВ. Все равно не понимаю. Полиция, телохранители, жена рядом...

ВОЛОДЬКА. Да если уж решили убрать...

ВАЛЕРКА. За что?

КОСТЯ ПЕСЧАНСКИЙ. Что, за что? За что убили?

ВАЛЕРКА. Ну да. Это же не так просто, причина должна быть.

КОНДРАТЕНКО. Ну, наверное, а как же без причины.

КОСТЯ ПЕСЧАНСКИЙ. Ты про что, про Карибский кризис?

ВАЛЕРКА. Ну конечно. Ведь мы были с Америкой на грани ядерной войны. Там бы еще немножко и пошло, поехало. И во многом благодаря Кеннеди, все разрешилось миром.

ВОЛОДЬКА. Ну правильно.

ВАЛЕРКА. Да они его благодарить должны. Он им жизнь спас.

ВОЛОДЬКА. Вот за это и убили.

Все смеются.

А ты как хотел, чтобы они за то, что он сделал, в жопу его целовали. Не дождешься!

КОНДРАТЕНКО. Ну кто-то же все равно там был, видел...
Освальда поймали.

КОСТЯ ПЕСЧАНСКИЙ. Освальд – это пешка, подставка.
Приплели, что у нас жил.

ШВАЛЕВ. Погоди? Какой Освальд? Который в райкоме комсомола работал?

КОСТЯ ПЕСЧАНСКИЙ. Ну тупой, блин, ну тупой! Потом этот?..
Руби.

ШВАЛЕВ. Тоже наш?

КОСТЯ ПЕСЧАНСКИЙ. Наш, наш, там все наши. Вот я и думаю:
такая мощная страна и поймать не могут.

ГОЦ. Значит, зацепиться не за что.

ВОЛОДЬКА. Зацепиться всегда есть за что.

КОСТЯ ПЕСЧАНСКИЙ. А может, просто не хотят?

ВОЛОДЬКА. Скорее всего.

КОНДРАТЕНКО. Ну как это не хотят?

КЛАССЕН. Да так, не хотят и все. Не надо им это. Убили ну и убили. Бог с ним. Значит всех устраивает такое положение. А убийца где-нибудь ходит себе и в хрен не дует.

Все смотрят на Гоца, на испещренные надписями стены выработки.

ГОЦ (ерзает на месте). Ну, спросят, тогда скажешь, а нет, так и не надо. Вы давайте поактивней. По биографии, где родился, жил, учился?

КЛАССЕН. Под Одессой. Там и школу закончил.

КОНДРАТЕНКО. В комсомоле был?

КЛАССЕН. Да.

ВОЛОДЬКА. Ну че мы время теряем? Надо принимать и все. Сколько там труб?

КОСТЯ ПЕСЧАНСКИЙ. До хрена.

ШВАЛЕВ. И три конвейера. Два водой залито. Это плохо. Так бы зацепили тросом за головку... (Снова морщится, с трудом сдерживая рвотные спазмы)

КОНДРАТЕНКО. Лебедку надо. У меня тоже предложение: принять Виктора в партию и все.

ГОЦ. Ну куда ты торопишься, погоди.

КОНДРАТЕНКО. Куда, куда, нам еще целую ночь трубы таскать. А там все заилило... (Показывает на Классена). Работник добросовестный, честно выполняет свои обязанности.

КОСТЯ ПЕСЧАНСКИЙ (на Швалева). Сашка тоже добросовестный. (Глядя на мучения Швалева. С иронией). Опять без закуски?

Не вытерпев, Швалев скрывается в темноте выработки. Все смеются.

ГОЦ. Это что, от меня зависит? Скорый какой. Надо подготовиться, чтобы потом в райкоме не придрались, а то отправят назад.

КОНДРАТЕНКО. Да куда они денутся? Ты же сам говорил, что обязательно перед праздниками в партию из рабочих принимают.

Возвращается позеленевший Швалев.

ВОЛОДЬКА. Обязательно из рабочих? (Показывая на Швалева). Ну, если из рабочих, так примите Сашку, чем не коммунист?

КОСТЯ ПЕСЧАНСКИЙ. Еще билет потеряет. (Швалеву). Ты, если идиот, то сиди и не рыпайся. Воздушная струя у нас откуда? Ты что не понимаешь? Иди вверх, на другую параллельку там и рыгай. (Валерке). Лебедка у нас где?

ВАЛЕРКА. Ну там, на нижнем горизонте. Принести?

КОСТЯ ПЕСЧАНСКИЙ. Надо сходить за ней, попробуем вытолкнуть вначале трубы, а там, как получится.

КОНДРАТЕНКО (Классену). На фронте был?

КЛАССЕН. Да.

КОНДРАТЕНКО. Воевал?

КЛАССЕН. Воевал.

КОНДРАТЕНКО. Кем?

КЛАССЕН. Пулеметчиком.

КОНДРАТЕНКО. Награжден?

КЛАССЕН. Ну есть.

КОНДРАТЕНКО (восхищенно). У-у.

ВОЛОДЬКА. Ну чего тянуть? Нам работать надо.

ГОЦ. Ну сейчас, сейчас, заканчиваем и идем. А в каких частях воевал?

КЛАССЕН. В СС.

ГОЦ. Ну что: есть предложение принять?

ВАЛЕРКА. Как в СС?

ВОЛОДЬКА. В СС?

ВАЛЕРКА. Вы что, в самом деле?

ГОЦ. А что?

ВАЛЕРКА. Ты знаешь, что такое СС? Это элитные части Гитлера. Туда кого попало не брали. Отбор. Где он был? Как оказался в них?

КЛАССЕН. Ну как, я же писал... Когда пришли немцы, они нас, всех молодых парней из немецких колоний, к себе забрали.

ГОЦ. И сколько ты был там?

КЛАССЕН. Ну сколько, сколько? Сколько надо, столько и был. Потом, когда отступать стали, меня наши в плен взяли.

ВОЛОДЬКА. Погоди, погоди, какие наши?

КЛАССЕН. Ну, советские. И сюда...

ВАЛЕРКА. Да мы о чем говорим?

КОНДРАТЕНКО. Ну тебе обязательно встрять надо. У нас собрание или не собрание?

ГОЦ. Собрание.

КОНДРАТЕНКО. Ну так веди его. Чего ты? Тем более нам еще трубы таскать.

ШВАЛЕВ. Ну может он в людей не стрелял?

КЛАССЕН. Нет, в людей я не стрелял.

ВАЛЕРКА. Ну как он не стрелял? Как не стрелял? Он же сам сказал, что пулеметчиком был.

КЛАССЕН. Да я поверх голов.

ВАЛЕРКА. Ну, конечно, дураков нашел, а то бы они тебя пощадили. У меня отец погиб под Белым, три ранения, полз по снегу, три операции, потом гангрена и все. Кого вы хотите в партию принять? Ну ты, Николай Иванович, со своим Кеннеди, точно уже...

Все встают и уходят. Рыжий сидит в самолете. Свет потушен. Вспоминает. Снова шахта, рабочие проносят трубы. Гоц ходит, стирает на стойках надписи. Снова салон самолета. Снова Рыжий вспоминает. Шахта. Из глубины выработки мужики вытаскивают Костю Песчанского. Нога у него перебита, он морщится от боли. Подбегает Гоц.

ГОЦ. Перелома нет?

КОСТЯ ПЕСЧАНСКИЙ. Да вроде бы шевелится.

ВАЛЕРКА. Опухла только.

ШВАЛЕВ. Да тросик слабый, лопнул.

КОСТЯ ПЕСЧАНСКИЙ. Тросик тебе!.. У тебя мозги слабые. Идиот, я тебе как говорил: потихоньку. А ты что? Включил... Я ему лампой машу, машу, а он с перепоя ни хрена не врубается, тянет и тянет. А потом, как стеганет... Хорошо по ноге, а так бы убил... Все породой передавлено и льет, как из ведра.

ВОЛОДЬКА. До ствола доскачешь?

КЛАССЕН. А куда деваться. Ну что, потихоньку? (Валерке). Ты давай его поддерживай с той стороны, а я с этой.

ГОЦ. Как на-гора? А конвейер, а трубы? Так в завале и останутся?

КОСТЯ ПЕСЧАНСКИЙ. Да ничего не получится. Ты что не понимаешь, если хвост прижало, как ты его достанешь? Восстановят лаву, тогда по частям и вытащим.

ГОЦ. По каким частям? На это три дня уйдет.

ВОЛОДЬКА. А если снова прорвет и куда бежать? (На Песчанского). А у него нога.

ГОЦ (Песчанскому). Ну, Евгеньевич, ну ребята, ну миленькие, ну посидели, отдохнули. Ну я вас прошу, ну хотите я перед вами на колени встану? Зацепим новый трос, он покрепче. Я еще забойщиков позову...

ВОЛОДЬКА. Да он и так, чуть ногу не потерял. Нет. И не думай. Ты нам что обещал? Отгулы. Что мы, зря в воде купались? А я еще на сегодня договорился с трактористом землю под картошку пахать. Где я потом его буду искать? Все в праздники гуляют, а мы должны упираться. (Смотрит на часы). Ты знаешь сколько времени? Я давно должен быть на-гора.

ГОЦ. Ну погодите у меня,.. погодите!.. (Убегает).

ШВАЛЕВ. Дрищет, Николай Иванович. Ой, как дрищет.

ВОЛОДЬКА. Да тут хоть дрищи, хоть не дрищи, влип наш Николай Иванович, по самые уши. И ничего не сделаешь.

КОНДРАТЕНКО. Почему?

ВОЛОДЬКА. Да все потому же. Пока участок работал, все с рук сходило. А сейчас, сам видишь, что творится: первая лава стоит, угля нет, конвейер завалило...

Появляется Гоц, прислушивается. Мужики замечают его.

ШВАЛЕВ. Все равно не понимаю.

ВОЛОДЬКА. Что ты не понимаешь?

ШВАЛЕВ. Нет, я понимаю, что Николай Иванович мог убить Кеннеди. Ну там по ошибке или по пьянке, тем более, говорят, что Кеннеди ходок еще тот и Муся баба не промах. Но как он успел?

КОНДРАТЕНКО. Куда?

ШВАЛЕВ. Туда. Он целыми сутками из шахты не вылезает. И в этот день девки из ламповой видели его. Ну, он физически не мог быть и в шахте и в этой... Алабама хреновой. Не получается.

ВАЛЕРКА. А ружье? Ружье то он закопал?

ШВАЛЕВ. Ну закопал.

КОНДРАТЕНКО. Но это со слов Муси.

ВАЛЕРКА. Зачем?

ШВАЛЕВ. Да мало ли.

КОНДРАТЕНКО. И ночью не был дома.

ВАЛЕРКА (Швалеву). Ну спроси у него.

ШВАЛЕВ. А он что, скажет? Я к нему уже и так и этак.

КОНДРАТЕНКО. Вот тебе и задача со многими неизвестными.

ВАЛЕРКА. А может не хочет прежде времени светиться? Убил – ну и убил. Тот хоть и либерал, а все равно классово-чуждый нам человек. Это же тебе не какой-нибудь Тодор Живков или этот лысый из Финляндии, что к нам на Сахалин рыбачить ездит.

КОСТЯ ПЕСЧАНСКИЙ (подсказывает). Урхо Кэконенн.

ШВАЛЕВ. Ну и что?

ВАЛЕРКА. А то. Ты про электрический стул слышал?

ШВАЛЕВ. О, еб...

ВАЛЕРКА. Вот тебе и о, еб. За такое могут и так, и этак.

КОНДРАТЕНКО. Да, ситуация. Тут либо грудь в крестах, либо голова в кустах.

Гоц продолжает прислушиваться.

ВАЛЕРКА. Вообще положение у Николая Ивановича незавидное: с одной стороны, как бы и поступок сам по себе героический. Это ведь тебе не баран чихнул. Взять и ухряпать вождя, можно сказать, нашего потенциального противника, а с другой...

ВОЛОДЬКА. Ну это, как там посмотрят. (Показывает на верх).

ВАЛЕРКА. А ты думаешь...

ВОЛОДЬКА (продолжая розыгрыш). А тут думай – не думай у нас всегда так. Вспомни Юбко, начальника с «Центральной», что он только не вытворял, а ведь не трогали. А почему? Шахта нормально работала, план давала. А как план не стала давать, так за штаны и взяли. А тут еще у Франко в Астории забастовка. План – это щит Николая Ивановича, без него он никто.

КОНДРАТЕНКО. Ну если Гоц отпадает, то кто?

ВАЛЕРКА. Кто-кто? Кто убил?

ШВАЛЕВ. Ну да.

ВОЛОДЬКА. Ладно, пошли. Там договорите. (Берет Костю под руку. Заметив газету, Валерке). А ты чего свои китайские газеты разбрасываешь?

Поддерживая Костю, все направляются к стволу, забыв про газету.

Салон самолета. Ленчик листает книгу о Кеннеди.

ЛЕНЧИК. Спорили?

Рыжий смеется.

А эта наша поездка тоже как-то связана с твоим расследованием?

Рыжий не отвечает, о чем-то задумавшись.

Площадка у ствола. Тут же стоит стволушкой – широколицый казах Тусипов. Подходят рабочие.

КОНДРАТЕНКО. Привет Тусипов. Как дела? (Ко всем). Мы с ним в армии вместе служили. Через Москву возвращались, с тех пор нас так и зовут – москвичи. Ну что, по-прежнему, больше двадцати пяти не садишь?

ТУСИПОВ. Привет, привет.

КОНДРАТЕНКО (Валерке). Ты слышал, как он людей в клетку садит? Утром набилось, как в бочке селедки, он плечом дверцу кое-как закрыл и отправил. А начальник шахты тут был и все видел. По технике безопасности нужно семнадцать человек, а там все двадцать пять. Подходит и спрашивает: «Тусипов, ты скажи, ты почему в клетку двадцать пять человек посадил?» А Тусипов говорит: «А двадцать шестой не вошел».

Все смеются.

Ладно, открывай ворота, поедим на-гора.

Тусипов продолжает молча стоять.

Оглох, черт косою? Не видишь, что мы мокрые, всю ночь вкалывали.

ТУСИПОВ. Нельзя, начальник не велел. Приказал клетку остановить, ремонт будет.

ВОЛОДЬКА. Вот сволочи. Как мы пойдем по ходу? Мы не дойдем. Там километр с лишним, а у Кости нога перебита.

ТУСИПОВ. Не знаю я ничего. Я человек маленький, как начальник сказал, так и делаю.

КОСТЯ ПЕСЧАНСКИЙ (Володьке). Звони Личному.

ВОЛОДЬКА (звонит по телефону). Кто? Личный? Это Егоров со второго участка. Звоню из шахты. Что случилось? Мы тут работали в ночь, трубы в скате меняли после аварии, а

нас вывозить не хотят. Ты скажи Тусипову. Почему? Какой плановый ремонт клетки? А мы, что сюда, на курорт приезжали? Да все знают. И начальник шахты знает. Вы что там, совсем охренели... (Поворачивается к остальным). Бросил трубку. Вот пидар.

КОНДРАТЕНКО. Ну Тусипов, будь другом, ну чего ты? Еще рано, никто не узнает. Пять минут – и выедем.

ТУСИПОВ. Нет, мне до пенсии надо, я на родину в Казахстан поеду. У меня дети.

Подходит Гоц.

ГОЦ. А может, пешком?

ШВАЛЕВ. По ходьку? И как ты себе это представляешь? (На Песчанского). Этот ногу травмировал, у меня поясницу прихватило, я до ствола чуть дошел. Ничего не получится.

КЛАССЕН. Ну не сидеть же. Что, ждать когда ремонт закончится? И сколько он будет?

ТУСИПОВ. Как сколько? Однако до обеда.

ВОЛОДЬКА (Валерке). Давай звони главному механику. Он нас занарядил, пусть и вывозит.

ВАЛЕРКА. Почему я?

ВОЛОДЬКА. Ну ты же его друг. Учишься у его бабы.

ВАЛЕРКА (звонит). Ало? Это кто? Алексей Иванович? Это Валерий Хребтов. Да, из шахты. Ну сделали. Да нас вывозить не хотят. Говорят, что плановый ремонт клетки... А мы тут причем? Мы же об этом не знали. Нам сказали – авария, мы и пошли. Костя ногу повредил, совсем не может идти, у Сашки Швалева радикулит. Устали. Вымокли... (Опускает трубку).

ШВАЛЕВ. Ну че сказал?

ВАЛЕРКА. Ничем не может помочь, обращайтесь к начальнику шахты.

ВОЛОДЬКА. Вот собаки. Совсем озверели. Они праздники отмечали, а мы как карлы тут... Всю ночь в воде...

КОНДРАТЕНКО. Такова наша доля.

КОСТЯ ПЕСЧАНСКИЙ. Нет, правильно. Звони еще Синеокому.

ВАЛЕРКА (снова звонит). Это опять Хребтов. Как, что у меня? У меня ничего. А у тебя, что? Ну ты с начальником говорил? (Заводится). А как мне с тобой говорить, на вы что ли? Если ты нормального языка не понимаешь.

КОНДРАТЕНКО. Правильно, давай Валерка!

Валерка опускает трубку.

КОСТЯ ПЕСЧАНСКИЙ. Тоже бросил? Вот гниды, блин. Давить их надо гадов... А может, в газету? Ну а что? Позвони сейчас в редакцию, у тебя же там друзья, Ляхов, Багаев. А лучше Шагиахметову...

КОНДРАТЕНКО. Толку с того, и не пытайся даже, она и соединять не станет.

ВАЛЕРКА (на юморе). Ты что, не веришь в силу печатного слова?

ВОЛОДЬКА. Да его маму...

КОНДРАТЕНКО. Да хоть в папу, хоть в маму.

ВОЛОДЬКА. Нет, ты посмотри на них. Козлы вонючие, за людей не считают. Мы что, им рабы? Ну выйдем, я с ним поговорю.

КОСТЯ ПЕСЧАНСКИЙ (Валерке). Звони начальнику шахты.

ВАЛЕРКА (звонит). Начальника шахты. Что, не берет трубку? А приемную? Анна Семеновна? Это Валерий Хребтов. Мне нужен Аркадий Владимирович. Ну что значит занят? Передайте ему, что звонили со второго участка – мы работали в ночь, ликвидировали аварию, пусть он даст распоряжение, чтобы нас вывезли на-гора. У нас больной человек. Да. Ногу повредил. (Опускает трубку).

ВОЛОДЬКА. Пидары. Был бы автомат, точно бы пузо прошел.

ГОЦ. И чего бы добился?

ВОЛОДЬКА. А вот выйду сейчас и покажу.

ГОЦ. Герой, блядь. Да он с тобой и разговаривать не будет.

ВОЛОДЬКА. А куда он на хрен денется? Возьму у Васьки Храмцова несколько патронов динамита, как на рыбалку, вот тогда и посмотрим, будет он со мной разговаривать или нет.

ГОЦ. Ну и дурак. Что, мало сидел?

ВОЛОДЬКА. Это не твое собачье дело. А вот так, как ты на цырлах ходить перед ними не собираюсь, и пятки им чесать не буду. Извините. Коммунисты сраные, совсем зажрались.

ГОЦ. Ну ты потише.

ВОЛОДЬКА (подражая тому, с кем говорил по телефону). «Ваш брат, работать должен». «Ваш брат»! А ваш брат где? В Америке? Говно возит по берегу. Нашли чурок с глазами.

ШВАЛЕВ. Как были для них шпаной, шпаной и подохнем. Белая кость, блядь.

Пауза.

КОНДРАТЕНКО. Ну что, подъем?

ШВАЛЕВ. Иди если хочешь. Я не пойду.

ВАЛЕРКА. И я не пойду.

ВОЛОДКА. Ну я ему точно матку выверну.

КОНДРАТЕНКО (Песчанскому). Костя?

КОСТЯ ПЕСЧАНСКИЙ. Да не поднимусь я по ходку, при всем желании. Вам же тащить.

КОНДРАТЕНКО. Ну че, Тусипов? На пенсию собрался? А мы ведь с тобой вместе служили, вместе из армии через Москву ехали. Нас за это потом москвичами звали.

ТУСИПОВ. Ошибка в метриках. Я вот ездил в аул и все подтвердили – старый я, на пенсию надо.

КОСТЯ ПЕСЧАНСКИЙ. Куда там старый. Сам же рассказывал, месяц весь аул поил, пока они тебе метрики не выправили, что ты ровесник Джамбула Джабаева.

КОНДРАТЕНКО. А вообще, безобразие. Надо коллективное письмо написать по поводу этого. От имени всех и подписаться.

ВАЛЕРКА (насмешливо). Куда?

КОНДРАТЕНКО. А что? Изложить все факты, что ночью работали и про Костю рассказать.

ВАЛЕРКА. Куда, я тебя спрашиваю? В газету «Гудок»?

КОНДРАТЕНКО. И в газету, и в райком – Георгию Васильевичу Корницкому, и в обком профсоюза – ничего, разберутся.

ВОЛОДЬКА. Вот сейчас попадись он мне, я бы его на кусочки порвал фраерка дешевого.

ШВАЛЕВ. А мы бы помогли.

КОСТЯ ПЕСЧАНСКИЙ. Да уж отмудохали, мало бы не показалось.

Стук спускающейся клетки.

ВАЛЕРКА. Тише! Клеть!

Слышно, как подходит клеть. Все в ожидании остаются на своих местах. Тусипов направляется к стволу.

ГОЦ (Валерке). Ну вот, а ты жопу драл.

Клеть останавливается, Тусипов открывает дверцы. Оттуда выходит начальник шахты Ачинович, крупный человек, в золотых очках, с надменным выражением лица, весь вид, которого свидетельствует, что он тут главный. Его окружает свита из специалистов: троих мужчин и двух женщин.

ШВАЛЕВ. Как царь, со свитой.

Володька выходит из толпы вперед.

ИНЖЕНЕР. Аркадий Владимирович?

АЧИНОВИЧ (на Володьку). Кто такие? Что за люди?

ИНЖЕНЕР. Рабочие второго участка. Они работали ночь после аварии.

АЧИНОВИЧ. Что им надо?

ИНЖЕНЕР. Я же сказал: они работали ночь, а вы приказали остановить клеть на ремонт.

АЧИНОВИЧ. И что из этого?

ИНЖЕНЕР. Им надо выехать на-гора.

АЧИНОВИЧ. У нас есть график ремонта клетки? Кто его составлял?

ИНЖЕНЕР. Я.

АЧИНОВИЧЬ. А я его подписал.

ИНЖЕНЕР. Но была авария.

АЧИНОВИЧ. Я знаю. Но есть график, который вы составили. Есть приказ, на основании которого ведутся ремонтные работы. И я не собираюсь его отменять из-за каких-то десяти человек.

ИНЖЕНЕР. Тем не менее мы спустились?

АЧИНОВИЧ. У вас что, плохо со слухом? Я спрашиваю, есть приказ?

ИНЖЕНЕР. Есть.

АЧИНОВИЧ. Что еще надо? И запомните: здесь не институт благородных девиц, здесь шахта. И она должна работать. Никто с них не спросит (на рабочих) за выполнение плана, а спросят с нас. И в первую очередь с меня, как с начальника шахты. (На инженера). А вы, как главный инженер должны мне помогать, а если не хотите помогать, то хотя бы не мешайте. (Идет дальше, свита за ним).

ВОЛОДЬКА. Хряк поганый.

АЧИНОВИЧ. Это кто сказал? (Останавливается).

Молчание.

Я спрашиваю, кто сказал? Не слышу! Что, языки в жопу втянуло? А то я могу и укоротить. Или вы герои только твякать из-за угла?

ВАЛЕРКА. Я. (Встает на пути Ачиновича).

АЧИНОВИЧ. Повтори, что сказал.

Валерка молчит. Все остаются на своих местах.

Хочешь показать, что ты тут самый умный, да? Ну давай, давай.

Худенький, щуплый Валерка выглядит нелепо рядом с мощной фигурой начальника. От волнения, голос у него дрожит, срывается, но чувство достоинства берет верх.

ВАЛЕРКА. Ты там гулял, отмечал праздник, водку жрал с бабами, а мы тут вкалывали в воде, трубы вытаскивали. Костя ногу повредил, ступить не может. А ты заставляешь нас идти на-гора пешком.

АЧИНОВИЧ. И пойдешь! Гордый какой. А куда ты денешься? (Смеется). Не пойдет он. Ты не просто пойдешь, а побежишь по ступенькам на верх. (Показывает на пальцах, как бегают. На рабочих). Или ты на них надеешься? Плохо же ты их знаешь. Ты посмотри на эти морды. А я им еще в шахту кофе даю. (Рабочим). Да вас не кофе надо поить, а водой из кювета.

ВАЛЕРКА. Не пойдём.

АЧИНОВИЧ. Все сказал? А теперь слушай сюда. Ты как разговариваешь?! (Толкает Валерку в грудь).

Валерка отлетает, бьется головой о стойку. Вскрикивает. Отплевывается окровавленным ртом.

ВАЛЕРКА. Подонок!

АЧИНОВИЧ. Ну что же, если ты не понимаешь нормального русского языка, придется тебя проучить, как уважать старших. (Сильно бьет Валерку в лицо, тот падает).

ВАЛЕРКА. Ты что?! Ты что делаешь?! Тебе это так не пройдет. (Вскрикивает и снова получает удар).

АЧИНОВИЧ. А ты как думал, я тут с тобой в бирюльки буду играть? Грозить он мне еще будет.

Снова удар и снова Валерка катится по земле. Все дальнейшее действие выглядит, как воспоминание сидящего в самолете Рыжего. Как кадры старой кинохроники, дерганые и отрывочные.

Еще?

Со стороны это напоминает бой Руслана с головой – худенький Валерка и огромный, монолитный начальник – с той лишь разницей, что там не было немых свидетелей, стоящих вокруг и молча взирающих на происходящее. Лицо у Валерки разбито в кровь, но он продолжает драться, бросается на начальника. Но все его попытки пробиться, рушатся о неприступную скалу Ачиновича. В отличии от Валерки, начальник спокоен и уверен в себе. Видно, что он чувствует

свое превосходство, и это доставляет ему удовольствие. Усмешка не сходит с его лица. Он бьет редко, но метко и сильно. Удар – и Валерка летит на землю. При этом нельзя сказать, что Ачиновича не заботит реакция зрителей. Скорей наоборот, он работает на публику, которая продолжает молча стоять, никак не выказывая своего отношения. Наконец собравшись с духом, Валерка хватается доску из вагонетки и с криком: «Убью, сука!», бросается на Ачиновича и тут же валится от удара. Затихает.

АЧИНОВИЧ. Ну на сегодня хватит, я думаю. Нет больше желающих?

Гоц пытается поднять Валерку.

Не трогай! Пусть лежит, пока сам не очухается. (Переступает через Валерку и уходит со свитой по штреку).

Пауза. Все молчат.

КОСТЯ ПЕСЧАНСКИЙ. Вот тебе и Сент-Экзюпери.

Валерка приходит в себя.

КОНДРАТЕНКО (Валерке). Ну что, добился правды?

ГОЦ. Да сам виноват, чего на рожон лез? Честь и достоинство ему подавай. А если бы по нормальному попросили, может быть и разрешил выехать на-гора.

ВАЛЕРКА. Вы кто? (У него начинается истерика).

ВОЛОДЬКА. Че он там лепечет?

КЛАССЕН. Молитву, наверно, читает.

КОСТЯ ПЕСЧАНСКИЙ. Он комсомолец, ему нельзя.

ВАЛЕРКА. Нет, вы скажите мне: вы кто?

КОНДРАТЕНКО. Че с ума сошел? Совсем охренел.

ВАЛЕРКА. Но вы же только что возмущались здесь, кричали, брызгали слюной, сулили ему всяческие кары? Ведь стоило вам только пальцем пошевелить и этого бы не было. Ну почему, почему?

ШВАЛЕВ. Что, почему?

ВАЛЕРКА. Ну объясните мне. Я что, для себя, я же для всех старался. Что вас остановило? Вы же герои, покорители недр.

КОНДРАТЕНКО. Мало получил, да?

ШВАЛЕВ. Это он его за Аннушку проучил. Чтоб за чужими бабами не бегал.

Все смеются. Истерика усиливается.

ВАЛЕРКА. Ну объясните мне наконец.

ГОЦ. Ну чего ты пристал к людям?

ВАЛЕРКА. А вы люди, да?..

Снова летят в самолете.

РЫЖИЙ (в темноте салона Ленчику). Я лежал и думал: кто они, от куда и почему так живут? И чем они отличаются от животных, если их ничто, кроме куска хлеба, не интересует? Работают? А зачем? У нас в шахте кони тоже работают. И так из года в год, изо дня в день. И что такое просто жить? И можно ли это назвать жизнью? И люди ли они вообще? И смогу ли я прожить также, как они?

Пауза.

Эта была моя первая отключка, поэтому я ее хорошо запомнил. Потом срывы повторялись...

Пауза. Летят.

Еще недавно я смотрел с восторгом и восхищением, как они огромные и сильные, переодевались в свои шахтерские доспехи и спускались под землю. Я считал их людьми, гордился дружбой с ними. Подражал им. Они были для меня кумирами – настоящие, уверенные в себе мужики, покорители недр. Когда случилась авария, я не колеблясь пошел с ними. Начальник? Ну, что с него взять? Он – хам. Но они...

ЛЕНЧИК. И все же почему? Я понимаю у каждого свои причины. Но если они только что возмущались, кричали... Сколько их было? Десять, пятнадцать? И никто из них не сказал ни слова в твою защиту, не вступился, когда этот гад бил тебя?

РЫЖИЙ. Страх за себя. Все они боялись начальника, потому что он мог лишить их премиальных, выслуги лет, перевести на нижеоплачиваемую работу. И вообще уволить. Нашел бы к чему придраться. И конечно с ними всегда было их прошлое.

ЛЕНЧИК. Ты им сказал об этом?

РЫЖИЙ. Да.

В шахте Тусипов зовет Гоца к телефону.

ГОЦ (всем). Поехали мужики. Разрешил начальник, только по быстрому.

Все садятся в клеть.

А ты, герой, что же?

ШВАЛЕВ. Не трогай его, он пешком пойдет.

КОНДРАТЕНКО. Ну, как хочешь.

Превозмогая боль, Валерка встает, садится в клеть. Клеть начинает подниматься. На заднике сцены мелькают конструкции ствола.

РЫЖИЙ (Ленчику, в салоне самолета). Все они боялись начальника, все были у него на крючке. Один не мог вступить за меня, потому что служил в СС.

КЛАССЕН. А как бы я вступился? Посмотрел бы я на тебя с такой биографией.

РЫЖИЙ. Другой, потому что сдался в плен и воевал на стороне немцев у Власова.

КОСТЯ ПЕСЧАНСКИЙ. А ты побудь на моем месте, тогда поймешь.

РЫЖИЙ. Третий – сын кулака.

ШВАЛЕВ. Да я до прошлого года ходил отмечаться в комендатуру, как враг народа. И сказал бы я, и что?

РЫЖИЙ. Этот за водку и прогулы продал свою честь и достоинство. Этот за очередь на квартиру. (Показывая на Володьку). Этот из тюрем не вылезает.

ВОЛОДЬКА. И что ты хочешь сказать? Да кто ты такой, чтобы учить нас?

Клеть поднимается. На заднике сцены мелькают конструкции ствола.

ГОЦ. А я говорил, не связывайся, молчи, как бы хуже не было.

ШВАЛЕВ. Да так, может быть посидели тихо, глядишь и выехали.

КОНДРАТЕНКО. Да, задел он его. Как говориться, говно не трогай, оно не воняет.

ГОЦ. Правильно – себе дороже.

ВАЛЕРКА (в истерике, не может сдержаться). Рабы! Подлые твари! Да пошли вы все! Я не хочу видеть вас, не то что говорить! Он бил, а вы стояли и смотрели. Я видел ваши лица, как вы отворачивали их. Мужики... Да вы хуже баб. Говно человеческое. Товарищи называются. Какие вы товарищи? Правильно он говорит, вас не кофе надо поить, а водой из кювета, вы не достойны жизни!

КОСТЯ ПЕСЧАНСКИЙ (с усмешкой). Жизни? Какой жизни? Сосунок. Что ты знаешь про жизнь? И что такое жизнь у меня, у него, у всех нас?

ВАЛЕРКА. Не знаю я вашей жизни и не хочу знать.

КЛАССЕН. Я что виноват, что немцем родился? (На Швалеву). А он кулаком? Когда их гоняли с места на место, по всей тайге, за то, что они кулаки? Ты то покрутился здесь да и был таков. А нам тут жить. Посмотрим еще на тебя. Говорить все мастаки.

ВАЛЕРКА. Ах, среда заела. Проклятая среда. А то, что в СС пошел, тоже среда виновата? (На Песчанского). Этот сдался в плен. Труссы, предатели. (На других рабочих). А эти? За бутылку готовы отца и мать продать?!

ВОЛОДЬКА (кричит Валерке). Заткнись, пока мы тебе ребра не пересчитали!

ВАЛЕРКА. Бей! На, бей! Ну чего стоите? Вы же такие здоровые и храбрые. На меня то у вас духу хватит, надеюсь.

Володька сильно бьет Валерку, после чего раздается звук порванной струны. Наступает абсолютная тишина. Валерка сползает на пол клетки.

Снова салон самолета.

ЛЕНЧИК. Ты считал себя правым?

РЫЖИЙ. Мог ли я предъявлять к ним такие требования? Каждый выбирает тот путь, который он выбирает. Но ведь и мой отец тоже мог попасть в плен. Он был в окружении, я сам читал материалы об операции под Белым. Их тогда пятьсот тысяч бросили, чтобы отвлечь немцев от Сталинграда. У многих не было даже винтовок. Об этом не принято говорить, но там, действительно, был принцип – один к тринадцати, на одного убитого немца тринадцать наших. Потому что была цель, которая все оправдывала. А как выходили из окружения? Две недели без бинтов, без медикаментов, продукты, которые сбрасывали наши самолеты, попадали к немцам. Две недели его несли на носилках и вынесли, но поздно. В московском госпитале отрезали по частям: вначале одну ногу, потом другую, затем руку... Каждый день. Три операции. А потом гангрена. И так, не приходя в сознание, умер, и покоится на Донском кладбище, а тоже жить, наверное, хотел. (После короткой паузы). У тебя отец есть?

ЛЕНЧЕК. Батя? У-у, батя у меня человек. Всю жизнь в ментовке... Я тебе потом о нем расскажу.

Клеть останавливается. Мужики поднимают Валерку.

ШВАЛЕВ. Дышит?

КЛАССЕН. Да дышит.

Мужики уносят Валерку.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Комната Хребтовых в немецком бараке. Валерка лежит на кровати, лицо его в ссадинах. На столе горка помидоров. Мать стирает белье в тазу.

МАТЬ. Врач приходила. Сказала: нервный срыв у тебя. Так бывает, когда переволнуешься. Лекарство оставила. Говорит, все пройдет. Молодой. Да я тебя сама полечу.

ВАЛЕРКА. Ты давай кончай с этим мракобесием. Ты вон Басова вылечила уже.

МАТЬ. Вылечила на свою голову. Опять приходил.

ВАЛЕРКА. Все из-за платка?

МАТЬ. Я же испуг сняла с Юрки Анастасии Васильевны. А она мне платок за это дала. А Колчаниха с Денисихой написали ему, как уличному комитету, что я наживаюсь, взятки беру за лечение. Вот Басов и требует, чтобы я написала расписку, что не буду больше этим заниматься. А то дело участковому передаст. Так я, говорю, людям помогаю и тебе помогла, когда ты с мотоцикла грохнулся с сотрясением мозга.

ВАЛЕРКА. Написала?

МАТЬ. Вот и не знаю, как, правильно, нет? (Подает расписку).

ВАЛЕРКА (читает). «Расписка дана мной Агафьей Петровной Хребтовой в том...» Что? «...что я обязуюсь больше никогда не помогать людям.» (Закатывается в хохоте).

МАТЬ. Тебе смешно.

ВАЛЕРКА. Ладно, мать, не обижайся. (Заметив помидоры). А помидоры откуда?

МАТЬ. Ни за что не отгадаешь, Костя Песчанский принес. И Егоров был. Я им все высказала.

ВАЛЕРКА. Че, все?

МАТЬ. А то, что людьми надо быть. Все плачут. Как же – обиженные они. Этих, как немцев, выслали, этих раскулачили, тот власовец, этот бендеровец. А кто нас пожалеет? Как Иннокентий погиб на фронте, эвакуировали сюда в барак, так и живем. Шестнадцать рублей на нос, тоже мне пенсия. (Показывает на пару сапог). Хорошо еще Швалев сапоги резиновые дал. Правда, на одну ногу, да ладно, спасибо хоть за это, будете по очереди с Юркой, носить. А то осень подойдет, в чем ходить? А плакать любой может. (Вздыхает). Да всем, конечно, досталось. Так раз свел нас господь вместе, так и жить надо по человечески. А то за рюмку готовы...

ВАЛЕРКА. Ну мать, ты прямо лекцию им прочла.

МАТЬ. Пускай, пускай подумают. Немцы они, а я русская...

Салон самолета. Рыжий вспоминает.

РЫЖИЙ. Тогда сила была на его стороне.

ЛЕНЧИК. А сейчас?

РЫЖИЙ. А сейчас... На моей..

Мать выносит на улицу таз с грязной водой. Возвращается.

МАТЬ. Валерка!

ВАЛЕРКА. Ну что опять?

МАТЬ. Что, что? Закройся хоть одеялом, к тебе пришли.

Входит Анна Ивановна. Элегантная, красивая.

(Анне Ивановне). Проходи, проходи. (Сыну). А ты бы встал, оделся. Или, так и будешь лежать, как раненный?

ВАЛЕРКА. Ладно, мать, не выступай. Дай табуретку и иди к Вере Беляниной.

МАТЬ. Мне на работу надо.

АННА ИВАНОВНА. А вы работаете?

МАТЬ. А куда деваться, Юрка еще в школе учится, Нинка в техникуме, а этот, без году неделя, как в шахту пошел.

ВАЛЕРКА. Ты же была уже?

МАТЬ. Еще надо. Тонька Кириличева заболела, за нее работать некому.

АННА ИВАНОВНА (осматривается). У вас одна комната?

МАТЬ. Да тут и комната, и кухня. Как эвакуировали из Смоленска, так и поселили в немецкий барак. Поначалу все обещали квартиру дать, а потом замолкли. Вот и получается: там мужик полег с ними на фронте, а мы тут с ними вместе живем.

ВАЛЕРКА. Ну раскудахталась, кому это интересно? Иди коли собралась.

Мать уходит, но тут же возвращается, гремит ведрами, прислушивается к разговору.

АННА ИВАНОВНА. Как чувствуешь себя? А то мне тут рассказывали... С шахты были?

ВАЛЕРКА. Нормально. Больше преувеличивают.

МАТЬ. Преувеличивают, а сам ночью бредил, метался. Вон Костя принес помидоры. И Володька приходил.

ВАЛЕРКА. Да пошли они. Нужны они мне со своими помидорами.

Мать продолжает копаться с бельем.

Ну, что ты будешь делать с такой противной старушонкой?

Мать не торопясь, собирает белье в таз. Уносит его на улицу. Валерка ставит табуретку напротив себя.

(Анне Ивановне). Садись. (Смотрит на Анну Ивановну, не скрывая своих чувств).

АННА ИВАНОВНА. Вот сейчас шла сюда и всю дорогу думала, как я приду к тебе и что я скажу. И так ничего не придумала. Знаю ведь, что все это нехорошо, дико, мерзко, а как тут быть и что с этим делать – не знаю.

Валерка пытается ее обнять, но она отстраняется.
Возвращается мать. При виде их роняет таз.

ВАЛЕРКА. А я все думаю, по поводу твоей мысли о компромате. Что любого человека, если задаться целью, можно на чем-либо подловить. (Матери). Ты чего?!

Мать уходит.

И тоже не знаю, как к этому относиться. Конечно, то, что они так поступили – это подло. И не только по отношению ко мне, но и к себе тоже. И все-таки... Понимаешь, противно не то что случилось. Мерзко жить, зная, что тебя в любой момент могут предать... Что они ненадежные, что человек которого ты как бы знал, верил ему, на поверку оказывается совсем не такой.

АННА ИВАНОВНА. А ты считаешь, что они сами виноваты в том?

ВАЛЕРКА. Ну, а кто, кто виноват, кто их сделал, они же не родились сразу такими. И тут Федор Михайлович прав. А ты считаешь обстоятельства, среда заела? А то, что мы сами ищем на свою задницу приключения?! Что не так? А потом не знаем, что делать и как выкручиваться.

АННА ИВАНОВНА. Ну и встали бы они на твою защиту и кому от этого легче? Тебе? Им? Ну Классена, точно бы сослали куда подальше, и сгнобили: немец, служил в СС. Да никому бы не поздоровилось. Нет, я не собираюсь их защищать. Я просто хочу понять, о чем они думали в тот момент? А то мы часто говорим о других, совершенно не задумываясь о последствиях.

ВАЛЕРКА. А понять – это как? Простить, что ли? Но так можно вообще бог знает до чего договориться... Оправдать всех и все. И того, кто бил меня...

Неловкая пауза.

А сам человек? Он что? У нас начальник участка – Филипп Сергеевич Полторацкий. Так вот он, например, считает, что людей всего десять процентов. Остальные – шпана. И говорить с ними, как с людьми, глупо.

АННА ИВАНОВНА. Но я бы так не сказала. У каждого свои причины. Мы же не знаем, как Костя Песчанский оказался у власовцев, как попал в плен. И про остальных, ну что можно сказать? Слабые люди.

ВАЛЕРКА. Ну я почему-то не такой. И ты?

АННА ИВАНОВНА. Речь же не о нас.

Пауза.

Важно: как они сами относятся к тому, что произошло. Я как-то читала у одного философа, он пишет про отношение немцев в Германии к Гитлеру в то время. Если,

скажем, человек не мог выразить свой протест к диктатору, не было у него воли, возможности, но он видел портреты, которые развешены повсюду и не мог смириться с этим в душе – это одно. И совсем другое, когда он свыкался и не обращал внимание на это.

ВАЛЕРКА. Ты сейчас говоришь, как моя мать. Знаешь, как она Сталина называла? Вот смотрит на портрет – а у нее всех братьев забрали, и говорит: «Сталька – цар». Без мягкого знака.

АННА ИВАНОВНА (увидев икону). Она верующая? (После короткой паузы). Я нахожу утешение в книгах. В классике. Не знаю, как бы я жила, если бы не было Тургенева, Толстого, Достоевского. Ну, как бы это сказать? Возможно, это несколько тривиально, но я считаю их популяризаторами Святого писания. А что? Это, своеобразный ликбез для нас.

ВАЛЕРКА. А эмоции, образы, характеры, стиль?

АННА ИВАНОВНА. Но это естественно, о чем разговор, но прежде всего, это популярное переложение того, что написано в Библии.

ВАЛЕРКА. И Лермонтов?

АННА ИВАНОВНА. И Лермонтов. А почему ты спросил о нем? И вообще, я очень хочу тебя видеть.

ВАЛЕРКА. Я тоже.

АННА ИВАНОВНА. Ты давай выздоравливай, а я постараюсь приходить почаще.

Пауза. Снова пытается ее обнять и снова безуспешно.

ВАЛЕРКА. Ты, кого-то конкретно имела ввиду, когда говорила, что у каждого есть свое слабое место и каждый уязвим?

АННА ИВАНОВНА. Да... У меня есть подруга, тоже учитель вечерней школы, жена крупного начальника. Выскочила за него еще студенткой. Удачливый, волевой, неглупый, (С усмешкой). Мастер спорта... О чем еще мечтать? А вскоре поняла, что ошиблась. Встретила другого. Не зануда, не педант – интеллигентный, интересный человек. Врач. Влюбилась. А муж узнал. Предпринимать ничего не стал, но поставил условия, если еще раз повторится – пеняй на себя. Переехали в другой город... В общем-то банальная история. А тот? А тот – спился. А компромат остался.

ВАЛЕРКА. Нет, если бы я полюбил, то не знаю, чтобы я сделал, но уж точно не отпустил ее. Жил, учился только для нее. Работал день и ночь. Кончил бы журфак и, ей богу, посвятил ей всего себя.

АННА ИВАНОВНА. Максималист... Еще полюбишь, встретится, какие твои годы. И я завидую ей. (Поднимается, чтобы уйти).

ВАЛЕРКА. Ты, точно, придешь? Тогда я выздоровлю. И давай вместе, как тот раз, съездим на Андреевский пруд. Мы ведь так и не побывали там из-за этой аварии, хотя собирались. И обязательно вечером, при луне, идет? (Пытается подняться).

АННА ИВАНОВНА. Нет, нет... (Укладывает его и уходит).

В салоне самолета.

ЛЕНЧИК (показывая на портрет в журнале). Про него вы, конечно, не говорили?

РЫЖИЙ. А зачем? В отличии от тех, кому все пофигу, у него всегда была цель. Графики, планы, сроки... Так было на шахте, на БАМе, в Чернобыле. Он ставил перед собой задачу и решал ее, несмотря ни на что. Важен результат.

ЛЕНЧИК. А страх?

РЫЖИЙ. И страх – а как без этого? Это инструмент. Он не терпел людей, если не видел у них страха и мстил за это. Потому что без страха у нас не получается. Всегда страх движет человеком. Да что там объяснять. Мы и в космос вошли первыми, и ядерный щит создали потому, что боялись Америки. И сегодня возьми любую компанию. Люди сидят там и боятся пикнуть, чтобы не потерять место. Демократия – та же система страха, только в более изощренном виде.

Воспоминания конца пятидесятых. Возвращается мать.

МАТЬ. Что, выздоровел уже? Эх, ты, она ведь к тебе не так просто приходила, я что, не слышала? А ты и рад стараться...

ВАЛЕРКА. Ну собирает, собирает всякую чепуху.

МАТЬ. А знаешь, зачем ей это надо? Чтобы тебя умаслить, чтобы ты не подавал на ее мужика в суд.

ВАЛЕРКА. Ну ты прямо, как в лужу...

МАТЬ. А что, не так? Избил парня ни за что, ни про что. Ну кто оставит такое? А они думают, раз мы без отца, так им все можно. А если хочешь мое мнение – не связывайся ты с ней, сынок, она тебе не пара. А то еще посадят. И правды не найдешь. (Подает ему молоко).

ВАЛЕРКА. А вот возьму и женюсь на ней.

МАТЬ (с испугом). На ком, на этой?

ВАЛЕРКА. А что? Она красивая.

МАТЬ. Красивая, да не для тебя. Тот же назем, только из далека везен. И куда ты ее приведешь, где жить будете? Тут? В немецком бараке? А что, сапоги резиновые есть, правда на одну ногу. (Помолчав). Она красивая, избалованная, вон как одевается, прическа модная. Мужик начальник шахты. Поди не так, как ты получаешь. Пойдет она за тебя.

ВАЛЕРКА. А вдруг? Ты же не знаешь...

МАТЬ. Во, во. Молоко на губах не обсохло... Ей сколько? А тебе? Женится он. Это она так, с жиру бесится, нашла мальчишку и играет с ним.

В шахте. Идет монтаж конвейера.

ВОЛОДЬКА. Сашка?

ШВАЛЕВ. Ну чего?

ВОЛОДЬКА. Иди сюда. Видишь? Что это?

ШВАЛЕВ. Ну вижу. Каска.

ВОЛОДЬКА (передразнивая). Каска, каска, а в ней что?

ШВАЛЕВ (достает из каски талон. Читает). Стиральная машина «Вятка». А причем тут каска?

ВОЛОДЬКА. Не понял? Это талон. Его нам дали на бригаду. Выделили, так сказать, за ударный труд. Надо решить – кому. И сказать Павлу Сидоровичу. Я сейчас наломаю щепок – будем тянуть жребий.

ГОЦ. Ну не знаю... Я столько лет стою в очереди.

КОСТЯ ПЕСЧАНСКИЙ (с усмешкой). Куда там, без тебя никак. А почему все тебе и тебе? Орденов на груди – места живого нет.

ГОЦ. Ордена за так не дают.

КОСТЯ ПЕСЧАНСКИЙ. Ну куда там, изработался он. Вот потрындеть, походить по кабинетам, это по-нашему. Где ты был, когда мы трубы таскали из завала?

ГОЦ. Ходил в верхнюю лаву, беседовал. Вы же отклонили кандидатуру Классена в партию. А в райкоме сказали: надо замену.

ВОЛОДЬКА. Ладно. (Гоцу). Давай тyani. (Трясет каской). У кого половинка, тот и получит.

ГОЦ. Ну, ну. (Тянет: пусто).

Тянет Кондратенко и тоже отходит.

ГОЦ. Да ну на фиг!

КЛАССЕН. Давай, я.

ВОЛОДЬКА. Пусто. (Валерке). А ты что стоишь?

Валерка отходит в сторону.

Все, блин, обидчивые такие. Ну, смотри.

КОСТЯ ПЕСЧАНСКИЙ. Отстань от него.

ВОЛОДЬКА. (Песчанскому). Тяни.

КОНДРАТЕНКО. Ну что?

КОСТЯ ПЕСЧАНСКИЙ. Ничего.

ВОЛОДЬКА. Все что ли?

Гоц, заподозрив неладное, вырывает у Володьки каску.

ГОЦ. Дай сюда. (Роеся в каске). А где половинка? Ты же говорил... Нету.

ВОЛОДЬКА. Ну значит где-то потерялась или забыл положить. (Сует новую щепку в каску. Валерке). На, бери. (Отдает талон. Гоцу.). Ну что, успокоилась твоя душенька?

Мужики дружно хохочут.

ГОЦ. Это не честно. И с какого хрена ему, он без году неделя, как работает. У него и семьи нету. Сколько им там стирать?

ВОЛОДЬКА. Нету, так будет. И не командуй, это общественное дело. (Показывает на Валерку). Все равно бы ему досталась. Он же не тянул.

ГОЦ. А знаешь, что? Положи щепки назад.

ВОЛОДЬКА. Это еще почему? Все, закончили. А то я ведь еду не свищу, а доеду не спущу. Я тебя раз пожалел, когда ты забыл мне упряжку поставить, а тут повод расквитаться. (Идет на Гоца).

Их растаскивают.

КЛАССЕН (удерживая Гоца). Брось, Николай Иванович, не связывайся. Ты, что Володьку не знаешь, он же психованный.

ГОЦ. Блатной, блядь. (Встает с земли. Валерке). Ладно, бери.

Валерка берет талон. Гоц заметив надписи на стойках, начинает стирать их.

(Валерке). А ты что и впрямь жениться надумал?

ВОЛОДЬКА. Я тебе говорю. А ты не веришь? Да у нас полшахты знает, что Аннушка уходит от Ачиновича и выходит за Валерку. Это ты все скрываешь свои делишки, чтоб никто не узнал. (Подходит к Валерке). Как у вас с ней?

Валерка уклончиво пожимает плечами. Все садятся, едят.

(Гоцу). Кстати, а что у нас там с Кеннеди? А то мы с этой работой...

ГОЦ. А я тут причем?

ВОЛОДЬКА. Ну как? Если не причем, чего тогда бегаешь по шахте с тряпками, надписи стираешь? Следы заметаешь? Ну а как это называется? У тебя ружье... И Муська говорила, что в ту ночь ты не ночевал дома.

ГОЦ. Мало ли у кого ружье.

КОНДРАТЕНКО. Так мы же читали, что взяли этого, Освальда. (Гоцу). Он же тебе какой-то родней – свояком или шуряком приходится?

ГОЦ. Ну приходится и что?

ВОЛОДЬКА. Ну и где он?

ГОЦ. Ну где, где? Откуда я знаю? Я что, за ним слежу? Сидит там в райкоме комсомола. Вам что надо? Вы чего привязались?

КОНДРАТЕНКО. Да нет, ничего. Просто, если начали копать...

ШВАЛЕВ (Косте Песчанскому). Ты говорил, тот где-то в Минске жил, не у нас?

КЛАССЕН. Да мало ли Освальдов.

ВОЛОДЬКА (Гоцу). А ты считаешь, тот убил?

ГОЦ. А я почему знаю. И отстаньте вы от меня.

ВОЛОДЬКА. Да ты чего? Николай Иванович, мы же просто так, по-свойски. Мы что, не понимаем?

ГОЦ. Да ничего. Шуточки вам все. Болтаете, что ни попадя.

КОСЯ ПЕСЧАНСКИЙ. Да убили его. Сегодня утром передали.

ГОЦ (с надеждой). Убили?

Володька с пониманием обводит всех взглядом. Все хохочут.

ВОЛОДЬКА (Гоцу). А ты уже обрадовался? Рано, рано еще. Думал, сдал подельника и концы в воду? Ишь, как глазенки загорелись. Ой, смотри, Николай Иванович.

КОСЯ ПЕСЧАНСКИЙ (продолжая есть). Да не этого, а того.

КОНДРАТЕНКО. Того, того. Про этого не слышно было. Вот тебе и демократия.

ШВАЛЕВ. А при чем тут демократия?

ВОЛОДЬКА. А при том что, кто кого сгрёб, тот того и поимел. И следов не найдешь. (Валерке). Значит все нормально?

ШВАЛЕВ. А почему у него не нормально? Это у тебя целый гарем. Женился на одной, а потом всех пятерых сестер перепробовал, одна мать осталась.

ВОЛОДЬКА. А вот и ошибаешься.

КОНДРАТЕНКО (восхищенно). И мать! (Хохочет. Валерке). Когда встречаетесь?

ВАЛЕРКА. Сегодня, после работы.

ВОЛОДЬКА. Правильно, надо этому хряку нос утереть. А то совсем охамел, хрен за мясо не считает. Сколько там на твоих? На-гора не пора?

Валерка показывает ему часы.

Полчаса второго? Ну а что? В принципе, мы все сделали.

ГОЦ. А ты читал приказ начальника шахты, что полагается за ранний выезд на-гора? Куда это собрался? А ну сядь. Шустрый какой.

КЛАССЕН. А может подождать?

ВОЛОДЬКА. Да че вы его слушаете? У тебя что, я не пойму, какие-то претензии к нам? Ну и оставайся себе. Какая разница тут сидеть или на улице? Нечего ждать. Пошли, мужики.

ГОЦ. Ну, смотрите, я вас предупредил.

Все уходят. Гоц, выждав минуту, ищет что-то. Находит, забытую Валеркой, корейскую газету, кладет ее в карман. Возвращается Володька, замечает Гоца.

ВОЛОДЬКА. А ты что тут забыл?

ГОЦ. Да шипуны хотел проверить, а то свистят со всех дырок.

ВОЛОДЬКА (подозрительно осматривает Гоца. Заметил торчащую у него из кармана газету). А ну-ка дай сюда. Дай тебе говорю. (Бьет Гоца по лицу, забирает газету. Уходит).

Гоц встает. Оглядывается по сторонам, звонит по телефону...

По авансцене проходит озабоченная Анна Ивановна, останавливается, смотрит на часы, кого-то ждет. Уходит.

Шахтеры выходят из клетки и направляются в ламповую. За ними из ниши наблюдает Ачинович. Первым его замечает Валерка. Останавливается.

ВАЛЕРКА. погоди!

ВОЛОДЬКА. Что?

ВАЛЕРКА. Там, в нише... Видишь?

ВОЛОДЬКА. Кого?

ВАЛЕРКА. По-моему, начальник шахты.

Ачинович исчезает.

ВОЛОДЬКА. Да нет там никого. Это тебе уже мерещится. Ладно, пошли.

ВАЛЕРКА. А ты слышал, что Гоц сказал?

ВОЛОДЬКА. Про наказание за ранний выезд из шахты? Ну, а как же. И то, что приказ уже есть.

Валерка всматривается туда, где видел начальника.

ВАЛЕРКА. А сколько сейчас?

КОНДРАТЕНКО. Половина третьего. А что?

ВАЛЕРКА. Да, нет, все нормально. Просто еще полчаса до конца смены.

ВОЛОДЬКА. Да не бойся ты ничего. Что думаешь, станет он ходить к стволу, проверять, когда мы из шахты выходим? Бывало и прежде. Первый раз что ли? И все сходило. А если и спросит, так у нас всегда есть запасной аэродром. Мехцех. Там при необходимости, всегда можно укрыться. А выехали из шахты по делу, чтобы погрузить трубы и спустить конвейер. Так что ничего страшного. В любом случае у нас железное алиби.

ВАЛЕРКА. Ну это хорошо, что ты так уверен.

ВОЛОДЬКА. А что мне врать? Мехцех – наше укрывище. (Смеется). Я иногда думаю, чтобы мы без него делали.

Идут. Навстречу из темной ниши появляется начальник шахты.

ШВАЛЕВ. Атас! Начальник!

КОНДРАТЕНКО. О, еб...

ВОЛОДЬКА. Все в мехцех! Бегом! Быстро! (Валерке). Сейчас сам во всем убедишься.

Все бросаются назад. Бегут по лестнице. Начальник идет следом.

КЛАССЕН (оглядываясь). Ты смотри, идет и идет.

ВОЛОДЬКА. Да это до первого столба. Все они, начальники, так начинают. Придет, наорет, страху напустит – смотрите, какие мы строгие и принципиальные, а потом слиняет, только его и видели.

КОНДРАТЕНКО. Но, а если?.. Так что говорить, чтобы не вразной?

ВОЛОДЬКА. Как всегда. Что мне тебя учить? Давайте пошустрей.
(Оглядывается). И не отстают сучара.

ВАЛЕРКА (Песчанскому). Думаешь, он серьезно?

КОСТЯ ПЕСЧАНСКИЙ. Да кто его знает? Может и серьезно. Это же не случайно: пришел, спрятался, выждал в нише, когда мы выедем. Какого черта и что ему надо? Ранний выезд? Ну и что? Подумаешь. И сейчас не отстают, идет по пятам. Зачем? Или попугать решил или еще что? Не знаю, не могу пока сказать. (Смеется). Узнаем, не долго ждать.

Продолжают бег.

Нам бы оторваться от него.

Заминка у ворот мехцеха. Все сгрудились.

ВОЛОДЬКА. Ну, что там еще?

КЛАССЕН. Что, что? Замок, вот что. Закрыто.

Мимо проходит электровоз с вагонетками.

ВОЛОДЬКА (оценив обстановку). Прыгай!

ШВАЛЕВ. Куда?

ВОЛОДЬКА. Куда, куда, в вагон. Давай руку.

Прыгают в вагонетку и замирают.

ШВАЛЕВ. Ну что?

КОНДРАТЕНКО (выглядывает). Идет. Думаешь, он не видел?

ШВАЛЕВ. Молча, гад.

КОСТЯ ПЕСЧАНСКИЙ. А чего кричать, это гон.

Выскакивают из вагонетки.

КОНДРАТЕНКО. Можно по обводной, на опрокид?

ВАЛЕРКА. Зачем?

КОСТЯ ПЕСЧАНСКИЙ. Что зачем? Чтобы выбраться.

ВАЛЕРКА. А если и там закрыто? Сам же говоришь, что он не просто пришел, а ждал, караулил нас.

ШВАЛЕВ. А лучше если поймают?

Снова бегут, снова очередные ворота и снова облом.

КЛАССЕН. Тоже закрыто.

ВАЛЕРКА. Не понимаю – ему что, делать нечего?

ВОЛОДЬКА. Ты у нас спрашиваешь?

Останавливаются. Останавливается и начальник.

ВАЛЕРКА. Так может плюнуть на все это? Ну что мы, как пацаны. Бегаем, прячемся. Ну, если так получилось. Что он нам сделает?

КОСТЯ ПЕСЧАНСКИЙ (на мужиков). Ну это ты у них спроси – они тебе расскажут. В гости, наверное, пригласит.

Валерка не идет, упирается, его тянут.

ВОЛОДЬКА. Ну чего ты героя строишь? Сейчас к воротам, а там – на улицу и все.

КОНДРАТЕНКО. Да выскочим мы, выскочим. Куда денемся.

Бегут. Снова попытка открыть другие ворота – и снова закрыто. Швалев в сердцах пинает ворота.

КЛАССЕН. Есть еще выход – через подсобку на подъем...

ВАЛЕРКА. А смысл? Ну что, так и будем носиться, как идиоты? (Песчанскому). Ты же сам сказал, что гон это и он перекрыл все выходы. Или вы еще сомневаетесь?

Останавливаются в изнеможении. Останавливается и начальник.

ШВАЛЕВ. Да, конечно, специально загнать решил.

ВОЛОДЬКА. Да это ясно, что не просто так. Вот барбос. Охотник сраный, обложил, как волков и гоняет довольный.

КОНДРАТЕНКО. Попробовать через склад?

ШВАЛЕВ. А там как?

Мечутся по галерее из стороны в сторону.

И не отлипает собака.

КОСТЯ ПЕСЧАНСКИЙ. И не отлипнет. (Валерке). Ну ты понял? Он заранее все спланировал и двери закрыл. А знаешь зачем? Охота!

ВАЛЕРКА. На нас?

КОСТЯ ПЕСЧАНСКИЙ. На тебя.

ВОЛОДЬКА (увидев форточку) . Форточка! (Швалеву). Ты вставай у стены, упираться в нее руками, а мы по тебе – и наружу. Пока он через все вагоны перелезет со своим брюхом, мы уже на улице будем.

КЛАССЕН. И дернул же меня черт выехать раньше времени. Отсиделся бы в динамитке...

КОНДРАТЕНКО. Так вот...

ШВАЛЕВ. Да навел кто-то. И день выбрал и час. Ни раньше, ни позже.

ВОЛОДЬКА. После будете рассуждать, после.

Швалев кряхтя встает, упирается руками в стенку. Едва появляется начальник, как все бросаются к Швалеву, образуя своеобразную пирамиду. По ней, как по трапу, поднимаются вверх и исчезают в окне.

Валерка остается.

А ты чего?

ВАЛЕРКА. Не могу. Что хочешь делай, а я не могу. Ну, стыдно это, унижительно.

ВОЛОДЬКА. А кто эту канитель затеял? Кто всю кашу заварил? Я что ли? Сам же ты эту бучу и поднял. Все такие герои, блин. (Вскарабкивается по Швалеву к окну. Подтягивает Швалеву вверх. Кричит из окна Валерке). Руку! Ну, давай же!

Валерка не отвечает. Стоит несколько секунд. Затем поворачивается и, не глядя на Ачиновича, идет мимо него в глубь коридора. Толкает одну дверь. Закрыто. Вторую... Останавливается. Останавливается и начальник. И так по кругу. Валерка механически движется от одной двери к другой, безвольно переставляя ноги и замедляя темп. Начальник не торопится, понимая, свое преимущество. Расстояние между ними сокращается. Валерка подавлен и опустошен. Остается последняя дверь. Надежда мелькает у него на лице. Он открывает дверь, переступает порог и в тот же момент чувствует на своем плече руку Ачиновича.

АЧИНОВИЧ. Помоешься, зайдешь ко мне, напишешь объяснительную.
(Уходит).

Откуда-то сверху раздается звук порванной струны. И наступает абсолютная тишина.

По авансцене снова проходит озабоченная Анна Ивановна. Появляется Валерка после мойки. Здесь же сидят, курят, в ожидании его, остальные.

ВОЛОДЬКА. Ну че, был?

ВАЛЕРКА. Был. Ты скажи, ты Анну не видел?

ВОЛОДЬКА. Да только что проходила, а что?

ВАЛЕРКА. Так это она меня ждала. Не знаешь куда пошла?

ВОЛОДЬКА. Да тут где-то. Придет, если договаривались, куда она денется. (Классену). А ну-ка сходи поищи.

Классен уходит.

Ну и о чем вы с ним толковали?

ВАЛЕРКА. Дал лист бумаги, чтобы объяснительную написал.

ВОЛОДЬКА. Написал?

ВАЛЕРКА. Написал.

ВОЛОДЬКА. Слушай, а че ты с нами не полез в окно? Я же тебе кричал: давай руку! Он толстый, он бы не пролез.

Возвращается Классен.

КЛАССЕН. Нету нигде. Васька Храмцов сказал, что домой пошла.

ВОЛОДЬКА. Вообще-то, конечно, зря ты остался, надо было плюнуть на все и бежать. Но сейчас чего об этом. Ну написал и написал, делов-то. Хотя с другой стороны, как посмотреть.

КОНДРАТЕНКО. Подумаешь... У меня этих объяснительных, знаешь сколько... И что из этого?

ВОЛОДЬКА. Правильно рассуждаешь, Вася. С одного раза не облезет. (Резко). А то, что сделал он его. Был человек и как бы нету. Да было бы за что. Понятно там я или Костя. А тут?.. (Валерке). Вот ты над Сашкой смеялся: за бутылку и честь, и совесть продал. А сам? За какой-то ранний выезд из шахты? Подумаешь, преступление: тридцать минут туда, тридцать сюда. Ан, нет. Ты уже на крючке. Да, продешевил ты братан, продешевил. Конечно, сейчас пока трогать не будет, а понадобится, достанет. И напомним, кто ты такой. А где, говоришь, он хранит ее.

ВАЛЕРКА. Ну где, где?

ВОЛОДЬКА. Ну не в сейфе же?

ВАЛЕРКА. Да нет, в стол положил. Ты что задумал?

ВОЛОДЬКА. А чего тут думать, забрать надо. Зайти и забрать.

ВАЛЕРКА. Как?

ВОЛОДЬКА. Ну придумаем.

ВАЛЕРКА. Что, украсть? Нет, я не пойду.

ВОЛОДЬКА. А тебя никто и не просит. Это же гад, сидит сейчас себе в кабинете довольный и улыбается. Ну как же, компромат накопал. А вот и не получится.

ВАЛЕРКА. Зачем?

ВОЛОДЬКА. Что зачем? Компромат на тебя завел? А ты не догадываешься? Чтобы не заносился, знал свое место. (Подумав). В конце концов, можно Клаву попросить. Я с ее Мишкой на рыбалку хожу.

ШВАЛЕВ. Не согласится. А если он хватится?

КОНДРАТЕНКО. Да че там, хватится? И что? А бумаги нет, шел и сам выронил где-нибудь.

ВОЛОДЬКА. Можно в форточку.

ВАЛЕРКА. Еще не лучше.

ВОЛОДЬКА. Смотри, тебе виднее. Он же сучара, думаешь так и оставит – ошибаешься. С этого только начинается. И Аннушке перепадет, вот помяни мое слово. Я только в толк не возьму, как он узнал, что мы выезжаем? Сашка говорит, навел кто-то? А может совпадение, знали только свои.

Подходит Гоц.

ГОЦ. Ну что, допрыгались? А я вам говорил, давайте переждем. Послушались и ничего бы не было.

ВОЛОДЬКА. Ну-ка иди-ка сюда, иди. Кому сказал. (Хватает. Трясет Гоца за грудки). Ты что это, сучий потрах, делаешь? Хочешь сказать, ты один такой умный? Мы что, не знаем зачем ты оставался?

ГОЦ. Вы что, ребята? Да я только сходил посмотрел есть шипуны, нет. И сразу в клеть.

ВАЛЕРКА. Ладно, отпусти его.

Гоц убегает.

Думаешь, он?

ВОЛОДЬКА. А кто? Вспомни сколько раз «Женьминьжибао» пропадала. Только принесешь, глядь – нету. Я сам у него отбирал. И еще одна закономерность: пропала газета – значит, жди этого Бормотова из КГБ. Да он это, он.

ВАЛЕРКА. Да какая разница. (Щелкает себя по горлу. Швалеву, показывая на оттопыренные карманы). У тебя там есть?

Салон самолета. Летят.

РЫЖИЙ. После вечерней школы я уехал в Москву учиться, а вскоре уехали и они. Мужики писали, что он совсем оборзел: чтобы укрепить дисциплину и пресечь попытки ранних выездов, закрыл все выходы из шахты металлическими решетками. Люди поднимались на-гора и видели небо через решетку с замками. Была разгромная статья в «Правде» - «Головокружение от славы». Хотели выгнать его из партии, но пощадили и отправили строить БАМ. Кстати, ему это пошло на пользу.

ЛЕНЧИК. И никогда больше не виделись?

РЫЖИЙ. Никогда.

ЛЕНЧИК. А с ней? Может она искала встречи? Или ты?

РЫЖИЙ. Зачем? Кто я после того был? В первый раз он унизил меня, но не раздавил. А во второй он сломал меня, раздавил, как червяка. И все.

Снова воспоминания из пятидесятых годов. По авансцене проходит шатаясь пьяный Валерка. Его поддерживает Гоц. Останавливаются у дома начальника шахты.

ВАЛЕРКА (кричит). Анна Ивановна! Аня, Анечка! Я пришел. Я здесь!

Снова салон самолета. Летят.

РЫЖИЙ. На БАМе он проработал десять лет. Построил крупнейший в мире угольный карьер, город Нерюнгри. Получил героя, заметь, из четверых: два якута, один алмазник и он. Стал доктором наук, депутатом Верховного совета. Оттуда ушел замминистра в Москву. Потом я узнал, что вернулся в Кузбасс, возглавил крупнейший за Уралом шахтостроительный холдинг...

ЛЕНЧИК. И не разу не прокололся? Да не поверю я, чтобы ты да не нарыл ничего.

РЫЖИЙ. А вот и нет. Он всегда работал осторожно и чисто. Был там на БАМе случай – сгорел главный цех по ремонту большегрузных самосвалов. Много техники, экскаваторов. Говорили, что подожгли, чтобы списать деньги. Я занимался этим, наводил справки... Его таскали, но доказать вины не смогли. Да и броня была у него крепка.

ЛЕНЧИК. А Чернобыль?

РЫЖИЙ. Это он уже в Москве работал. А тут идем в Перпиньяне с моим другом Борей Синявским. И вдруг он толкает меня: узнаешь?

ЛЕНЧИК. Он?

РЫЖИЙ. Ну конечно. Не такой как раньше, постарел.

ЛЕНЧИК. А он, не узнал?

РЫЖИЙ. Нет. Я в бороде был и черных очках. Стал интересоваться: как часто он бывает. Выяснил, что приезжает с женой, живет тихо, скупил на ее имя полквартиры, с журналистами особо не общается. Потом в Москве встретил еще одного, который тоже у нас работал, он мне все и рассказал. А вскоре подвернулся заказчик. Он мне и предложил заняться этим делом.

ЛЕНЧИК. Ты ему сам позвонил?

РЫЖИЙ. Да.

ЛЕНЧИК. И он согласился на встречу?

РЫЖИЙ. Легко. Я даже немного удивился. (Помолчал). Двадцать шестого апреля.

ЛЕНЧИК. А что двадцать шестого апреля? Ах да, день памяти Чернобыльской аварии.

Рыжий не отвечает.

Ну ты прямо, как Мунк.

РЫЖИЙ. Это у Фолкнера?..

ЛЕНЧИК. Его брат подставил, так он двадцать пять лет сидел и ждал своего часа, чтобы выйти и убить его. Вообще, мне все это странно.

РЫЖИЙ. Что странно?

ЛЕНЧИК. Все эти ваши разборки. Справедливо – несправедливо. Принципы. Честь, достоинство. Меня все это, как-то миновало. В начале девяностых мне было пятнадцать. А тогда никому это не надо было. Свои были разборки. Так и вырос. Кстати, ведь и не установили, кто убил Кеннеди.

РЫЖИЙ (думая о своем). Кеннеди. Какого? Их же двое.

ЛЕНЧИК. Ну того, первого, который президентом был.

РЫЖИЙ. Ты к чему это?

ЛЕНЧИК. Да так, к слову. Заговорили про Фолкнера, я и вспомнил.

Снова воспоминания пятидесятих годов. Последняя встреча Валерки с Анной Ивановной. Отношения другие.

ВАЛЕРКА. Здравствуйте, Анна Ивановна.

АННА ИВАНОВНА. Здравствуй, Валера. Ты что-то хотел?

ВАЛЕРКА. Да нет, ничего. А что?

АННА ИВАНОВНА. Да просто я спешу, у меня еще контрольных куча. А сейчас проверки, экзамены.

ВАЛЕРКА. Может встретимся?

АННА ИВАНОВНА. Нет, не могу. В другой раз, ладно?

Появляется Гоц. Очень долго стирает надписи со столба, прислушивается.

ВАЛЕРКА. Это в связи с тем, что произошло?

АННА ИВАНОВНА. А что произошло?

ВАЛЕРКА. А то ты не знаешь... (Поправляется). А то вы не знаете Меня поймал ваш муж за ранний выход из шахты. Заставил написать объяснительную.

АННА ИВАНОВНА. Да ну, чепуха какая. Что ты этому придаешь значение? С кем не бывает. Не бери в голову. Ты же умный, талантливый, у тебя все еще впереди. И, пожалуйста, не говори ни с кем про меня. А то все рассказывают о нашей с тобой свадьбе, а я узнаю об этом в последнюю очередь.

Пауза. Валерка смущен.

Ну зачем ты так? Разве я тебе давала повод? Я ведь думала... Ну да ладно. Проехали.

Расходятся.

Номер в гостинице. Входят Рыжий и Ленчик.

РЫЖИЙ. А вот, как вернулся в Кемерово и стал генеральным директором шахтостроительного холдинга, тут и оттянулся по полной программе.

Выкладывают на стол кассеты, видеокамеру, ставят на пол штатив.

ЛЕНЧИК. Стар стал? (Смотрит на часы). Что-то не торопятся нас встречать. Ты ему сказал свой мобильник?

РЫЖИЙ. Подождем. (Продолжая рассказ). Конечно, к старости люди жадными становятся. А может свободу почувал. Ведь у нас каждый по-своему свободу понимает. Кнут – это закон, а тут... Разрешено все, что не запрещено. А может, подумал, что это последний шанс, больше не будет. Да и руки развязаны.

ЛЕНЧИК. Да. Депутат Верховного совета, замминистра, лауреат...

РЫЖИЙ. А еще почетный гражданин двух городов, попробуй замахнись на такого. Но скорей, я думаю и то, и другое, все вместе. (Звонит по мобильнику). Евгений

Абрамович, мы здесь. Нет, нет, пока не встретили. Сейчас? В гостинице. Хорошо, ждем. (Продолжая рассказ). Организовал банк под крышей своей родственницы, выждал время, а когда дали команду приватизировать – обанкротил холдинг. Всю технику, все производственные мощности – а это, я тебе скажу, огромное шахтостроительное объединение, более шестидесяти тысяч работающих, пустил с молотка. Нахальство! Другому бы такое ни за что не простили, а ему сошло с рук. А как сама процедура распродажи проходила?! Цены занижены, аукционы шли безо всяких конкурсов. Скажем, экскаватор стоит десять тысяч долларов, а продают за две. А у него их сотни. Родственникам, себе.

ЛЕНЧИК. И себе? Ну это глупо.

РЫЖИЙ. У меня все это, вот здесь, в тетради. (Показывает тетрадь). Какая настоящая цена и за сколько продали.

ЛЕНЧИК. Ну понятно, уверовал в свою силу. Бдительность потерял. Не трудно при такой славе. Да и время было смутное. Решил, что не добрал своего.

РЫЖИЙ. Да и получал не столько, сколько, на его взгляд, стоил.

ЛЕНЧИК. Вот и решил половить рыбку в мутной воде. А милиция?

РЫЖИЙ. Нет, там вели какие-то расследования, но потом все быстро прикрыли. Сказались старые связи, и то, что он с губернатором в одной упряжке выдвигался на выборах в качестве вице-президента.

ЛЕНЧИК. А этот, который дал тебе сведения?..

РЫЖИЙ. Ты про заказчика? Надежней не бывает. Да он сам все это и скупил. К тому же он приходится родственником нашему герою – женат на его сестре. (Показывая на тетрадь). Тут все номера счетов и финансовых сделок по дням.

Оба смеются.

Но главный наш расчет – на внезапность и неожиданность. На черный день у него, я думаю, явно с достатком, а может и слишком. Не случайно же он живет с семьей во Франции и скупает недвижимость. Чувствуешь цепочку? О чем я тебе говорил – то он держал людей на крючке, теперь сам попался. И это всегда.

ЛЕНЧИК. И никогда не закончится?

РЫЖИЙ. Думаю, никогда. На этом жизнь строится. Сколько человек существует, столько он и будет грешить. А грех всегда будет главной зацепкой. Но это не все.

ЛЕНЧИК. А что еще?

РЫЖИЙ. На деньги, которые он поимел, он стал строить крупнейший в стране угольный карьер. Благо опыт БАМа был. Пригласил в компаньоны такого же как он отставного генерального директора, тоже героя соцтруда...

ЛЕНЧИК. Молодец!

РЫЖИЙ. Ты погоди. Нашли старую геологическую карту сорок седьмого года. Взяли кредит – несколько миллионов долларов. Идея была проста: верхние пласты выбрать экскаваторами, углубиться, а дальше, добывать уголь шахтовым способом.

ЛЕНЧИК. И что?

РЫЖИЙ. А то, что карта оказалась ни к черту.

ЛЕНЧИК. И он?..

РЫЖИЙ. И он обанкротился.

ЛЕНЧИК. Как?

РЫЖИЙ. Вот и я думаю.

Телефонный звонок.

(В трубку). Да. Слушаю. Мы? В гостинице. Триста пятнадцатый номер. Хорошо, ждем. (Отключает телефон). Им бы дуракам пригласить толковых специалистов и провести дополнительную экспертизу.

ЛЕНЧИК. Но это даже мне ясно.

РЫЖИЙ. А он, человек, привыкший масштабно мыслить, организатор, руководивший тысячами людей, он не внял советам проектировщиков, которые говорили, что там кислотные угли, они не пригодны для открытой добычи. Почему их столько лет и не трогали.

ЛЕНЧИК. А он что, не понимал этого?

РЫЖИЙ. Нет, просто отвык вникать в подробности, посчитал что это мелочи и перепоручил своим заместителям и помощникам. А те, хотели угодить шефу, сделать побыстрее, понадеявшись на старую карту. Накупили современную японскую технику, построили дороги, административное здание с бассейном, коммуникации. Вбухали миллионы, провели вскрышные работы, начали добычу и поняли, что прокололись.

ЛЕНЧИК. Самонадеянность?

РЫЖИЙ. Отчасти, конечно, и это. Оба такие ассы, оба герои, доктора наук. Специалисты с огромным опытом. Их же никто не гнал. К чему такая спешка? Просто привыкли идти напролом. Раньше, видно, это сходило. А может, сэкономить решили.

ЛЕНЧИК. И сэкономил. Дураки. Так у него, наверное, и денег нет?

Звонок сотового телефона.

РЫЖИЙ (в трубку). Хорошо, выходим. (Отключает телефон). Ну, что, как всегда: ты снимаешь, я веду беседу в кадре, а потом... (Проверяет карман, на месте ли тетрадь).

ЛЕНЧИК (насмешливо). Ты только не волнуйся.

РЫЖИЙ. Отвали!

Берут камеру, штатив, выходят.

В кабинете Ачинович постаревший, седой, но еще довольно крепкий, уверенный в себе, звонит по телефону.

АЧИНОВИЧ (в трубку). ...а Юрий Иванович? Его нет? А вы не скажите?... Это звонит Ачинович Аркадий Владимирович. Я по поводу издания энциклопедии. Две недели назад я написал письмо губернатору. Как не получали? Погодите, я разговаривал недавно с Дьяковым, а когда он будет?..

Входят Рыжий и Ленчик.

(Продолжает говорить по телефону). Вопрос у меня конкретно такой: сейчас идет подготовка к изданию энциклопедии Кузбасса, куда была включена и моя фамилия. И вдруг я узнаю, что по каким-то непонятным причинам, ее оттуда выбросили... (Показывает гостям на стулья. В трубку). Вот я и хочу узнать почему? А вы, наверное, недавно работаете?... Хорошо, я перезвоню. (Отключает телефон. Встает, пожимает руки Рыжему и Ленчику).

Гости представляются.

А я уже волноваться стал. Хотел звонить Евгению Абрамовичу: вылетели, нет?

ЛЕНЧИК. Рейс задержался, непогода.

АЧИНОВИЧ. Ну, как он там? Все консультантом в компании сына? Да, Вадим молодец. Так раскрутил дело, а никто ведь тогда не верил, что у него получится. Даже отец был против. Конечно, помогали и я помогал с кредитами, а вот развернулся: сейчас крупнейшая угольная компания. (Нажимает кнопку вызова). Чай, кофе?

Входит девушка.

РЫЖИЙ. Чай.

ЛЕНЧИК. А мне кофе.

АЧИНОВИЧ (Ленчику). Это я с вами разговаривал?

РЫЖИЙ. Нет, со мной.

АЧИНОВИЧ (внимательно всматривается в Рыжего). Так чем же привлекла внимание Центрального телевидения моя скромная персона? Ничего, что я так с места в карьер? Насколько я понял, вас интересует авария на Чернобыльской станции и все что с ней связано?

Девушка вносит на подносе чашки. Ставит на стол. Уходит.

РЫЖИЙ. Спасибо. (Пьет чай). Мы сейчас готовим цикл передач, посвященных тем, к сожалению, трагическим событиям. Вы у нас один из тех, кто оказался в Чернобыле после взрыва и принимал непосредственное участие в ликвидации той страшной аварии.

Ленчик начинает снимать.

АЧИНОВИЧ (поднимается, берет с полки книгу. Несколько заучено). Да, двадцать три дня мое рабочее место и других шахтеров, находилось в ста пятидесяти метрах от развалов четвертого блока.

РЫЖИЙ. А были вы?..

АЧИНОВИЧ. Я был замминистра угольной промышленности. Но это долго рассказывать. Вы не читали мою книжку? Я вам обязательно ее подарю. Я в ней все написал и как меня назначили руководителем работ, и как набирал шахтеров, ну в основном это из Тулы, и как привез их в Чернобыль. Это было на четырнадцатый день после взрыва. Там тогда прорвало трубопроводы и радиоактивная вода хлынула в подвалы. Специалисты боялись, что произойдет газовый взрыв, который в виде облака пойдет на Европу, Африку, Азию. И чтобы этого не случилось, надо было пройти подземный коридор под реактор и сделать там еще одну бетонную плиту.

ЛЕНЧИК. Страшно.

АЧИНОВИЧ. А вы как хотели? Я вам только один пример приведу: техника безопасности была на нуле. Вернее, о ней не думали. Чтобы добраться до своего рабочего места надевали бахилы, а вся защита была – чистая спецодежда. Дыхание защищалось даже не респиратором, их не было, а просто двойным лепестком марли, чем-то пропитанным, без всякого сорбента. Что касается дезактивации, то это был обычный стиральный порошок, который пропускался через обычные садовые опрыскиватели. Видели, как старушки на дачах вредителей уничтожают? Вы снимаете?

РЫЖИЙ. И вы прошли эту штольню?

АЧИНОВИЧ (снова вызывает секретаршу). Повтори, пожалуйста. Да. Мы прошли сто семьдесят восемь метров за тринадцать дней. Работали по четыре часа. В забои ставили на рельсы старую вагонетку, на полусогнутых грузили в нее песок и вручную вывозили. А реактор тут, рядом, в ста метрах! Обычная норма облучения тридцать пять бар. Дальше – необратимый процесс в организме. У меня тридцать шесть.

Девушка вносит чашки.

Спасибо. (Рыжему). Я что-то не разобрал, а в какие годы, вы говорите, работали на шахте?

РЫЖИЙ. С пятьдесят восьмого по шестьдесят шестой.

АЧИНОВИЧ (показывает книгу). Когда я получил первый экземпляр этой книге, я подарил его своему коллеге. Тоже замминистра, который был там. А через год его не стало...

Пауза. Рыжий поднимается, рассматривает экспонаты, расставленные на полках. Ачинович подходит к нему.

РЫЖИЙ. Я смотрю: у вас тут целый музей. (Читает дипломы). «Участнику ликвидации Чернобыльской аварии», «Почетному жителю города Нерюнгри»... Так, а как вы снова здесь оказались? Почему из белокаменной вернулись в Сибирь? Я вот вижу грамоту «Почетному жителю Березовского».

АЧИНОВИЧ (поясняет). Да. И Березовский строил. Ну это длинная история. Вы долго намерены пробыть у нас, а то бы я вам показал весь свой архив. Это только малая часть. Основной материал по всем, как говорится, этапам жизни у меня хранятся дома. Сувениры, снимки, награды, книги... Дело в том, что я родом отсюда. Есть тут неподалеку такая речка. (Смеется). Ключевая. Не слышали? (Рыжему). Вы то сами не отсюда, нет? Точнее, меня годовалым привезла сюда мать в тридцать восьмом году из Самары. Отца расстреляли – он был начальником тамошнего НКВД. Следил за строительством подземного города для членов правительства на случай войны. А мать с детьми сюда сослала. Тут учился, был начальником шахты. А потом вызвал наш министр Братченко Борис Федорович и предложил поехать на БАМ. (Открывает пианино. Играет).

Ленчик продолжает снимать.

(Рыжему). Не играете?

РЫЖИЙ. Больше слушаю.

АЧИНОВИЧ. Я играю почти на всех инструментах. (Играет Бетховена. Показывает на пианино). Это как память о БАМе. Мне его подарили, когда пустили дорогу и построили Нерюнгри. С тех пор так и вожу за собой. (Продолжает играть).

Рыжий рассматривает сувениры.

И где бы я не работал, я всегда играл людям и до сих пор играю. Сейчас стало модным говорить, что наши не хотят и не умеют работать. Это не правда. Я вам так скажу, наши могут работать, но для этого надо, чтобы дисциплина была. Это главное. Без этого ничего не получится. Не диктат конечно, а строгость, рамки. Я всегда держал дисциплину и соблюдал дистанцию. И когда работал на шахте, и на БАМе. Вот собираются, скажем, по праздникам или на вечеринки, поиграю им, а потом, как зажму. (Показывает рукой, как головы откручивают. Смеется).

РЫЖИЙ. И в молодые годы?

АЧИНОВИЧ. Всегда. И раньше, и потом. На БАМе я стал депутатом Верховного совета, получил героя, ордена Ким Ир Сена, Сухэ-Батора, но я их не ношу.

Рыжий рассматривает фотографии.

(Поясняет). Это я с Путиным, когда он мне орден вручал. А это я с актерами, к нам приезжали Ульянов, Юрский, Лавров, Папанов... А вот тоже интересный снимок. Здесь я после штурма Белого дома. Не скажу, что бегал там по коридорам с автоматом, но я был в числе депутатов, когда стреляли из танков. Вообще я скажу, опыт работы на БАМе очень помог мне в Чернобыле. (Возвращается на свое место).

Ленчик делает Рыжему знаки, что не ускользает от внимания Ачиновича. Рыжий достает синюю тетрадь.

А почему снова сюда? Я понимаю: обычно все стремятся в столицу. Держатся за место. А я – в Кемерово. Знаете, я привык в Кузбассе и на БАМе все делать сам. Принимать решения, отвечать за них, а там все надо согласовывать, любой вопрос. Посмотрел я, посмотрел, ну не по мне это. И стал я к министру ходить, просить отпустить меня в Кузбасс. Он возмутился. Все, говорит, рвутся сюда, а ты в Россию. Короче, вызвали меня

к Рыжкову, он спросил, почему ты уезжаешь? Я объяснил – что я оттуда, я там вырос, там у меня мама. Там крупнейший в стране шахтостроительный холдинг. Если доверите, я готов его возглавить – а мне всего был пятьдесят один год, если нет – на любую другую работу. Ну члены ЦК партии приняли решение и я уехал. Отработал я генеральным директором двенадцать лет. А тут началась перестройка, закрытие шахт. У нас в Судженке было шесть шахт, а теперь ни одной.

РЫЖИЙ А что с холдингом?

Ленчик удовлетворенно кивает головой.

АЧИНОВИЧ (заметив это). Закрылся. Как тогда было?.. (Рыжему). Вы в шахте на каком участке работали?

РЫЖИЙ (не отвечая). И что, ничего нельзя было сделать?

АЧИНОВИЧ. А что сделаешь? У нас выбора не было и вариантов никаких. Я что-то не совсем понимаю: а вас почему это интересует? И причем тут холдинг?

РЫЖИЙ. Да, нет. Не причем. Просто я слышал, что это было самое крупное шахтостроительное предприятие в стране. Более шестидесяти тысяч работающих...

АЧИНОВИЧ. Я ушел, потому что знал, что перспективы у таких структур нет. Они работали на государственные деньги, а когда государство не стало их финансировать, а частник еще не созрел, холдинг и приказал долго жить. Частник и сегодня еще не торопится вкладывать деньги, считает, что иметь свою шахтостроительную организацию дешевле. (Несколько озадачено). Я только не совсем понимаю к чему это?..

РЫЖИЙ. Я в том смысле, что закрытие такого огромного предприятия, вероятно, не прошло незамеченным. Наверняка, были и такие, которые не разделяли вашей позиции в этом вопросе. Как отнеслись к этому люди? Как отразилось это на вашей репутации? На ваших отношениях с губернатором? Я знаю, вы давно с ним знакомы.

АЧИНОВИЧ. Обидно конечно.

Телефонный звонок.

(Рыжему). Секунду. (В трубку). Да, Юрий Иванович, добрый день. Я звонил вам. По поводу энциклопедии. Да, знаю, там много заслуженных людей. И моя фамилия была в списках, но почему-то в последний момент ее убрали. Вот меня и интересует – почему? Юрий Иванович, я герой соцтруда с 1986 года и лауреат госпремии с 1988 года. А причем тут на БАМе я получал или здесь? (Пытается перебить). Юрий Иванович... Юрий Иванович... Я получал его за строительство крупнейшего в мире угольного разреза. А до БАМа работал здесь, в Кузбассе. И вы это знаете. Построил несколько шахт и город Березовский. А всего в угольной промышленности сорок лет. Ну зачем вы так говорите? Я вовсе не претендую ни на чье место. Я хочу занять то место, которое заслужил, как я считаю. И это справедливо. Вы можете организовать встречу с губернатором? Нет? А когда он будет? Ну хорошо... До свидания. (Кладет трубку). Засранец. (Рыжему). Так на чем мы остановились? Ах, да... Конечно жалко, такой холдинг был, столько построили, и вот тебе на. Но даже не это угнетает, а то, что никто не помнит того, что мы сделали. Но должна быть обычная благодарность, ведь мы не для себя старались. И звезду героя за так не дают.

РЫЖИЙ. А в чем это выражается?

АЧИНОВИЧ. В чем? Забыли. Как будто ничего и не было. Помнили, когда работал, приглашали на все торжества, приемы. Вот вам конкретный пример – был День шахтера, съехались люди со всего Кузбасса, меня даже в президиум не пригласили. Да бог с ним с этими президиумами. Ну, просто к празднику открытку прислать? Но ведь это так просто. Или вот последний случай, выходит энциклопедия Кузбасса – меня нет.

РЫЖИЙ. А вы говорили об этом губернатору?

АЧИНОВИЧ. Я написал ему письмо. Мы с ним с молодости знакомы, вместе в одной связке шли на президентские выборы.

РЫЖИЙ. И что?

АЧИНОВИЧ. Говорят, прочел, ругал их. А мне с того? Да губернатор, я считаю, тут и не причем. Это все его окружение.

РЫЖИЙ. Почему?

АЧИНОВИЧ. Зависть. Обида. Они же работали, когда я замминистра был, а теперь мстят. Да, был жестоким, требовательным, наказывал если кто провинился, тут хоть брат, хоть сват.

РЫЖИЙ. Не любили?

АЧИНОВИЧ. А что меня любить? Я не баба. Ну представьте – там, на Севере, построить город на сто тысяч. И в таких условиях, на вечной мерзлоте... А если один в лес, другой по дрова, дисциплины нет – ничего не получится. А вы на БАМе никогда не были?

РЫЖИЙ. Нет, не приходилось.

АЧИНОВИЧ. Вообще у меня неплохая память на лица. И наши пути где-то пересекались. А вот вспомнить... А сколько вы в шахте отработали? А-а, ну, вы говорили. Да... Столько людей прошло перед глазами за эти годы. Иной раз спишь и видишь, как летишь на Северный полюс. Я ведь и там был. И все лица, лица.

Ленчик возмущенно разводит руками.

А друзья, что друзья? Были и в ФСБ и в УВД, а тут, как ушел из начальников – как телефон отрезали. Конечно, всем хорошим не будешь да и то: не делай добра – не получишь зла. Вот пытался построить карьер...

РЫЖИЙ (поднимаясь). Ну что, на сегодня, я думаю, достаточно. Спасибо вам за эту интересную беседу. Завтра продолжим. Только вы постарайтесь захватить с собой архив.

Ленчик вопросительно смотрит на Рыжего, но тот делает вид, что этого не замечает. Ленчик сворачивает аппаратуру.

АЧИНОВИЧ (Рыжему). А может, зайдём ко мне? По пятьдесят грамм коньячку? Это рядом. А пока можем посмотреть мое здешнее хозяйство. У меня тут большая часть помещения – типография. Самое современное японское оборудование. Надеюсь вам будет интересно познакомиться. Выпускаем буклеты, журналы, визитки. Сейчас там правит моя жена.

РЫЖИЙ (Ленчику). Сходи поснимай город, я скоро приду.

Ленчик недовольный уходит с камерой. Ачинович ведёт Рыжего по типографии.

АЧИНОВИЧ. Это у нас кабинет редактора. Наш мозговой центр, так сказать. (Открывает дверь).

Рыжий, не скрывая волнения, входит в кабинет. Смотрит на женщину. Это не Анна Ивановна. За столом молодая незнакомая женщина.

Вот пожалуйста, Аня, наш гость из Москвы. Я тебе говорил о них. Кто вы, режиссер или редактор Центрального телевидения? Хребтов Валерий...

РЫЖИЙ (подсказывает). Валерий Иннокентьевич.

АЧИНОВИЧ (показывая на жену). А это Анна Львовна.

РЫЖИЙ. Очень приятно. (Пожимает женщине руку).

АЧИНОВИЧ. И все-таки мы с вами встречались...

Гостиничный номер. Входят рыжий и Ленчик.

ЛЕНЧИК. Ты можешь объяснить, что произошло? Я тебе машу, машу рукой, делаю знаки: кончай, Валера, базарить. Пора за дело. Показываю на тетрадь, а ты все о хренах да пряниках. Что тебя остановило, не понимаю? А потом про родину...

Рыжий молчит.

Слушай, ну и друг у тебя. На пианино играет. А мышцы, мышцы? Ты видел, как накачен? Какие гири. Да он нас переживет. Не зря его отец в ЧК служил. И ты хорош, столько лет молчал. Впрочем, правильно, всему свое время. Тронул пораньше – и ничего бы не получил. Это, как в банке.

РЫЖИЙ. Да, Аркадий Владимирович, устроил ты мне урок...

ЛЕНЧИК. А ты как хотел, чтобы он как увидел тебя, так сразу покаялся? Вспомнил молодые годы, как он тебя мутоскал, припал на грудь: прости, Валера, я был не прав. Не на того напал. А как он задержался, когда ты его спросил про холдинг! Осторожный пес. Но ничего, потрогали за сосцы, завтра дождем, никуда не денется. Хотя он и сегодня был готов.

РЫЖИЙ (задумчиво). Да, не такой я себе представлял нашу встречу, когда ехал, не такой. Ведь все казалось просто и понятно. И как я захожу, и как представляюсь, и как мы сидим с ним и разговариваем.

ЛЕНЧИК. И вдруг ты встаешь и говоришь: тихо, я Дубровский.

РЫЖИЙ. Не думал я, не думал. Что вот так вот встретимся и будем говорить. И о чем?

ЛЕНЧИК. Так о чем же вы с ним говорили так долго? И что тебе поведал этот старый маразматик? Вы что, выпивали?

РЫЖИЙ. Было. Ну, говорил в основном он, а я слушал.

ЛЕНЧИК. О чем?

РЫЖИЙ. Про тоже, про БАМ, про Чернобыль.

ЛЕНЧИК. А по делу? Ты ему открылся, сказал кто ты? И что вас связывает пятьдесят лет пламенной дружбы? Ведь в этом, как я понимаю, вся интрига нашего появления. Или он до сих пор не знает?

РЫЖИЙ. Не знает.

ЛЕНЧИК. Не понял... Ну ладно. Не сказал да не сказал, потом скажешь. В принципе, это ничего не меняет. Хотя странно, конечно. Так что на тебя так подействовало? Надеюсь, он тебя не обратил в свою веру? И ты не причислил его к лику героев, которые строили плотины, города, реки поворачивали вспять?

РЫЖИЙ. Но он, действительно, строил. Мерз в палатках...

ЛЕНЧИК. Да брось ты. Мерз он там. Не он, так другие бы построили. Тоже, героя нашел.

РЫЖИЙ. А что, не мерз?

ЛЕНЧИК. Да кончай, он что, один мерз?

РЫЖИЙ. А то, что в Чернобыле получил облучение – тридцать шесть бар?

ЛЕНЧИК. Ну и что?

РЫЖИЙ. Ну как это – ну и что? Кто то же все это сделал? Не с неба же оно свалилось

ЛЕНЧИК. Да мужики, блин, мерзли, строили все эти БАМы, саркофаги, а такие, как он, руководили, да звезды получали. Куда там, набрался он радиации, а сейчас гири таскает да пробивает, чтобы его в энциклопедию вставили.

РЫЖИЙ. Да пойми ты – это жизнь. Не знаю, герой он или нет, не в этом дело, но – это его жизнь, он так жил. Возможно, не все в ней нам нравится, но она такая. Сейчас – другая. О присутствующих я вообще не говорю.

ЛЕНЧИК. У каждого своя. У него своя, у тебя своя.

РЫЖИЙ. Особенно у меня.

ЛЕНЧИК. Ты тоже не сидел сложа руки. А то, что он обанкротил холдинг, десятки тысяч оставил без работы. Это как? (Помолчав). Мужик обокрал государство, людей по миру пустил. Бросил на произвол судьбы, хапнул деньги, а мы его жалеем, ну как же – герой.

РЫЖИЙ. Ну это еще надо доказать. Хапнул он – не хапнул, время то, какое было, тоже надо учитывать. Честно сказать, я, например, не знаю, окажись в такой ситуации, как бы я повел себя на его месте?

ЛЕНЧИК. Да что там учитывать? (Показывает на тетрадь). Вот они цифры, тут все доказано. Так ты был у него или нет? А то ты так рассказываешь, что я уже засомневался. Еще о чем говорили? Как он себя вел? Твои ощущения? Кем ты себя чувствовал: нынешним взрослым человеком или тем семнадцатилетним обиженным мальчиком? Ведь эта поездка, встреча с ним вернула тебя на полвека назад.

РЫЖИЙ. Робин Гудом.

ЛЕНЧИК. И как Робин Гуд ты желал мести. Я правильно говорю? Ты надеялся встретить гордеца, которым знал его и свести счеты. Так?

РЫЖИЙ. Ну что-то в этом роде.

ЛЕНЧИК. А встретил старого растерянного, никому не нужного человека, который своим поступком перечеркнул всю свою жизнь, БАМ, Чернобыль... И тебе стало жаль его?

РЫЖИЙ. Но мне действительно стало жаль его. Но больше всего меня поразило другое в этой встрече. Я даже не могу сказать в какой момент это произошло. Скорее, когда ты ушел, мы остались и пошли к нему на квартиру. Мы смотрели сувениры. Он достал, фотографии, папки с документами. Потом пригласил за стол. Честно сказать, я не очень был предрасположен к доверительной беседе. Равнодушно смотрел экспонаты, но тут произошло нечто такое, чего я не могу объяснить до сих пор. Неожиданно он попросил закурить и улыбнулся. А потом предложил коньяку. Не знаю, простил бы его тот парень из шестидесятых, с которым он дрался и как бы он поступил, но я, вдруг, увидел совершенно другого человека. Я как бы увидел своего отца. Я слушал его, смотрел на него и та давняя обида постепенно отодвигалась куда-то в сторону и не казалась мне такой, как прежде. Я просто увидел все в другом свете. Я увидел человека сознающего свои слабости и недостатки. Ты наблюдал, как спят старики? От них исходит покой и умиротворение. Но самое удивительное в другом. Его просьба. Я даже сейчас не могу в это поверить.

ЛЕНЧИК. Да что случилось?

РЫЖИЙ. Он попросил меня помочь ему.

ЛЕНЧИК (с иронией). Деньгами?

РЫЖИЙ. Он попросил сделать передачу о нем, о его жизни и показать ее на ЦТ. И предложил за это деньги.

ЛЕНЧИК. Сколько?

РЫЖИЙ. Много. На три твоих коттеджа.

ЛЕНЧИК. Так-так... Я что-то не врубаюсь? А ему это зачем? Хотя, понятно, чтобы напомнить о себе и тем самым поднять свой пошатнувшийся авторитет. А это не подстава? А то даст меченые, а потом не отмоешься.

РЫЖИЙ (с иронией). И обратился ко мне?

ЛЕНЧИК. Все правильно, а к кому ему еще обращаться?

РЫЖИЙ. Думаешь, узнал?

ЛЕНЧИК. А почему бы и нет. Память у него еще не отшибло. Да он и не забывал тебя. Встретил старого знакомого, с которым когда-то вместе работали. Как там было – это не важно. Главное, что вместе. Брать со стороны телевизионщика – опасно. А ты свой, тебе он верит.

Пауза.

Вообще, ситуация у него – не позавидуешь. Обложили со всех сторон. И губернатор ни в хрен не ставит, и чиновники. Ну а как? Взял миллионы, а теперь, конечно, готов платить – куда деваться, чтобы как-то сохранить имя. Передача ему нужна.

РЫЖИЙ. Но тогда почему за деньги? Мог бы и так попросить, по-свойски? Впрочем, и это понятно.

ЛЕНЧИК (подумав). А вообще, это вариант. Надеюсь, ты не отказался. Сделать ему передачу такую, как он хочет. Поговори с Ватолиным, пусть он по старой дружбе поставит ее в сетку вещания. Конечно, придется заплатить. Ну а что – герой труда, чернобылец... Правда, такие передачи сегодня никому не нужны. Сейчас жаренное подавай. А так бы и он был доволен и мы не в накладе. Чтобы не зря съездить. Что у него денег нет?

Рыжий морщится.

Ну, а что, Валера? Конечно деньги. Тебе хорошо – ты один, а нас, по сути, две семьи в одной квартире. Мы с Нинкой, и Янка с мужем. Повернуться негде. Он-то ведь думает, что на ЦТ деньги лопатой гребут. А мне бы хоть этот гребаный коттедж достроить. Ну а не выйдет с Ватолиным договориться, скажем – не получилось. Не будет же он назад требовать. Да просто тетрадь покажем.

Рыжий снова морщится.

Валера, ты меня знаешь. Ну че ты передо мной выступаешь? Мы с тобой в каких только переделках не бывали. Помнишь, как Ямал прочесывали, Сургут, Уренгой? И сюда, я что, сам приехал? Ты же и привез. У меня дома дел выше крыши. Ты ждал этой встречи столько лет, хотел напомнить ему о себе. Что произошло? Ты только не крути, скажи

честно: тебя сумма не устраивает? Так можно пересмотреть, надавить на него. Ну давай я поговорю, если тебе не с руки. Ну скажи мне...

РЫЖИЙ (размышляя). Конечно, он ошибался, бывал не прав. Но ему многое прощали. Потому что он был свой и делал для своих. Неудача с карьерой ударила по его репутации, но в лице тех, для кого он строил его, он остался человеком. Фигурой. Земляком. Ну что же, ошибся, бывает. Но то, что он ранее сделал с холдингом – я имею в виду, что закрыл его – не идет ни в какое сравнение с тем, что произошло с карьерой, ни по масштабу, ни по значимости. Тут он строил свое предприятие, пускай для людей, но свое, вкладывая в него свои личные деньги. Там – он разрушил огромный шахтостроительный холдинг, который принадлежал всем. Совершил несправедливость. И это самое страшное его преступление. Он лишил себя опоры.

ЛЕНЧИК. Ошибся старый?

РЫЖИЙ. Да.

ЛЕНЧИК. Лишил себя опоры? А ты случаем не того?.. А что? Вы же сейчас с ним выпивали? Не перебрал? И вообще о чем спор? Мы чем занимаемся? Мы что, выясняем степень его вины, насколько он виноват в том, что случилось?

РЫЖИЙ. Нет, просто пытаюсь разобраться.

ЛЕНЧИК. А то, что бил тебя?.. Это как?

РЫЖИЙ. И это было.

ЛЕНЧИК. А ты считаешь это ошибка? Ты еще скажи, что его бросила жена, ушла к другому и он остался один.

РЫЖИЙ. Откуда ты знаешь? Да, он ошибался и это его сейчас мучает.

ЛЕНЧИК. И поэтому он просит губернатора включить его в энциклопедию? Ну чего ты пургу гонишь? Вот ты заладил: ошибка, ошибка и повторяешь это как попугай. Ну какая на хрен ошибка, о чем ты говоришь? Давай называть вещи своими именами. Ты же сам всегда смеешься над политкорректностью. Нет, я понимаю, ошибся когда доверился старым документам, и не проверив, начал строить карьеру. Да и то, ты правильно сказал, он же для себя его строил. А тут? Ну тогда объясни в чем его ошибка?

РЫЖИЙ. Не мог он это сделать. Не его это стиль. Он что, не понимал? Да он по натуре не такой человек. Я же тебе говорю, он никогда ничего не делал просто так. Он, прежде чем делать, всегда все просчитывал.

ЛЕНЧИК. Тем более.

РЫЖИЙ. Что – тем более?

ЛЕНЧИК. Тем более не понятно, как это все могло произойти? Если ты сам говоришь, что он ничего просто так не делал. На него что, затмение нашло или отключка, как у тебя? Извини. Ну даже если представить, что не он один виноват, что его заставили, вынудили закрыть холдинг – нам то с тобой, что за дело? А представь – если бы все у него срослось и вся бы история с банкротством холдинга сошла ему с рук, тихо, незаметно, по

крайней мере, не так грубо, по-топорному, как сейчас? И как бы он вел себя? Да он бы и не вспомнил про тебя. Впрочем, нет, вспомнил, тут я не прав. Как те, кому больше повезло. Отыскал бы и стал убеждать, что сейчас нам прежде всего нужны мир и согласие, что без них никак нельзя, и что эволюционный путь развития – это единственно правильный путь и другого просто не дано.

Пауза. Ленчик берет со стола синюю тетрадь, листает ее.

Недавно смотрю информационную программу, сидит амбал с фамилией Льва Николаевича и призывает всех объединиться. Вокруг чего, правда, непонятно. И радоваться, заметь – радоваться, успехам наших спортсменов, Димы Билана, а главное успехам отечественных промышленников и предпринимателей. Гейтсы такие. Только там Гейтса никто не назначал в олигархи, он сам дошел до всего своим умом. А наши девяносто процентов оставили с носом и мы им еще должны объединяться, чтобы радоваться их успехам. С чем объединяться, если ничего нет? А-а, по старинке, как пролетарии всех стран... Нет, друзья мои, дудки. Тут только злость, только зависть, другого ничего не может быть.

Пауза.

Так что никакая это не ошибка. А раз это не ошибка, у тебя полное моральное право, воспользоваться моментом – поквитаться с ним. А для этого есть реальный шанс. И сделать это надо по быстрому, прямо сейчас, чтобы больше не думать о нем. Вот и все.

РЫЖИЙ. Что, месть?

ЛЕНЧИК. Ну назови это реванш, спор. А как он хотел? Кинул шестьдесят тысяч и думал с рук сойдет? Скорее, это плата за то, что он сделал. Вопрос ведь не в том, кто виноват. Будь другой на его месте и с ним было бы также. Как он их, так и мы его.

Пауза.

Был известным человеком, а кем стал?

РЫЖИЙ (усмехаясь). А я кем?

ЛЕНЧИК. Ты? Ты – народным заступником, борцом за справедливость.

Оба смеются.

Да, у нас здесь такая тонкая грань между этими понятиями. Поэтому выбирать приходится зачастую не между добром и злом, а из двух зол.

РЫЖИЙ (помолчав). Его вычеркнули не из энциклопедии, это можно пережить, его вычеркнули из памяти. Если история с холдингом снова получит огласку, всплывут факты банкротства или паче чаяния, поднимется шумиха в прессе – для него это смерть.

ЛЕНЧИК. А почему обязательно – шумиха? Можно и по-тихому. Так что делать будем?

РЫЖИЙ. Не знаю. Когда ехал сюда, все ясно было, а теперь не знаю.

ЛЕНЧИК. Ну, Валерий Иннокентьевич, если ты не знаешь, то кто тогда знает? Ты для меня всегда пример. Кто бы я был без тебя? Так, администратором группы. Ты дал мне путевку в большую жизнь, сделал, можно сказать, человеком. Ну, спроси самого себя. Спроси того парня, который дрался когда-то с Ачиновичем.

РЫЖИЙ. Я спрашивал.

ЛЕНЧИК. И что?

РЫЖИЙ. Говорит, не знаю. И потом, кто ты такой, чтобы судить его?

ЛЕНЧИК. Так и сказал? Вот собака. Мало его тогда били. Но ты не раскаиваешься, что приехал? (После небольшой паузы). По-моему, наша беда в том, что мы принимаем все близко к сердцу, много говорим, выясняем, кто виноват. Солженицын винит Сталина, Зиновьев говорит, что при Сталине Россия была самая сильная и процветающая. А надо, как американцы. Убили Кеннеди? Ну и что? Ну случилось так. Конечно – это трагедия, горе. Но, прежде всего – сенсация, шоу. Сколько об этом писали, да и сейчас пишут, сколько фильмов сняли, но так, чтобы проявили какую-то внутреннюю заинтересованность, участие, желание выяснить истину (если бы хотели, то давно выяснили). Не было этого. А вот пощекотать нервы, догадки, версии одна другой хлеще, кто убил, был ли заговор – это да. Это по-американски.

РЫЖИЙ. По-твоему это нормально?

ЛЕНЧИК. А почему нет? Просто там каждый занят собой и до других дела нет. А представь, такое произошло у нас? Ты же сам рассказывал про Гоца и как возбудились твои шахтеры, когда убили Кеннеди. (Смеется). Хотя с какого бы хрена, зачем это им нужно было? Да, я, например, тоже допускаю, что вина Ачиновича преувеличена. Ну, так и что?

Пауза. Рыжий ложится на кровать.

Устал?

РЫЖИЙ. Есть немного.

ЛЕНЧИК. Да я вижу. Ну, ничего. Закончим дела и расслабимся. Я займусь своим коттеджем, а ты останешься, отдохнешь, будешь ходить на эту... свою речку, ловить хариусов. (Поднимается). Ладно лежи, а я пока схожу в буфет, что-нибудь куплю на вечер. Посидим с тобой, как в старь, перед тем, как идти на дело, выпьем... Ты то в гостях наугощался, а я жрать хочу. (Уходит. На пороге останавливается, прислушивается).

Рыжий звонит в аэропорт.

РЫЖИЙ (в трубку). Девушка, мне ближайший рейс на Москву?.. Вообще-то мне в Париж надо. Хорошо, подожду. (Достает из шкафа вещи, складывает их в кофр. Ищет что-то). Что за черт? Куда она подевалась? Я ведь только что видел ее. (В трубку). Да. Слушаю. Ближайший рейс в девятнадцать ноль ноль? А из Москвы в Париж? В двадцать четыре тридцать. То есть я успеваю? А билеты на Москву? Ну, отлично.

Из-за дверей выглядывает Ленчик. Рыжий снова звонит.

Мне, пожалуйста, Аркадия Владимировича. Нет его? А когда будет? А я с кем разговариваю? С женой? Это звонит журналист Центрального телевидения, мы сегодня были у вас. Вы не могли бы ему передать, что я, к сожалению, не могу завтра с ним встретиться. Да, поменялись планы. Вылетаю срочно в Москву. Но я ему обязательно позвоню. Спасибо. И вам счастливо... (Снова начинает переключать свои бумаги). Куда она задевалась? Но я же видел ее. Не могла же она испариться?

Ленчик тихо прикрывает дверь и уходит. Рыжий набирает Перпиньян. Разговор идет по-французски. Мы слышим его перевод.

(В трубку). Малибу Вилар? Лоран, это Валерий. Бонжур, вы еще не спите? Ну и прекрасно. А у нас уже полночь. Ты скажи, ты еще не сдал мой номер? Молодец. Да, собираюсь приехать. Когда? Наверное, завтра. Нет, все нормально. Ключевая? Тоже нормально. Вы как? А Клаудио там далеко? Пусть она перезвонит мне, ладно? Ну чао, до встречи.

Возвращается Ленчик с покупками.

ЛЕНЧИК. Толпа офигенная. Взял сыру немного, колбасы... (Смотрит на сборы Рыжего). Мы что, улетаем? Я что-то не пойму? А как же наш поход к твоему другу? Ведь он будет ждать?

РЫЖИЙ. Скажи, ты тетрадь мою не видел? Только что здесь была.

ЛЕНЧИК. Какую? (Начинает накрывать стол).

РЫЖИЙ. Ну какую, какую? Ту самую. Синюю, с которой мы ходили. Все перерыл, куда она могла пропасть? Я же помню была. Может ты по ошибке к себе положил?... Да, улетаем.

ЛЕНЧИК. А ты считаешь это нужно? Не ищи, она у меня.

РЫЖИЙ. Ну так давай же. (Тянется рукой, пытается взять другой кофр). Где она? Здесь? Куда ты ее положил?

Ленчик спокойно его отталкивает.

Ты чего?

ЛЕНЧИК. Зачем? Пусть она у меня побудет.

РЫЖИЙ. Да пойми ты, у нас времени нет. Через час самолет. Ну все, пошутили и будет.

ЛЕНЧИК. Улетай, я же не держу.

Рыжий смотрит на Ленчика и все понимает.

РЫЖИЙ. Ты хочешь пойти к нему?

ЛЕНЧИК. А почему бы и нет? Это наша работа и я хочу довести ее до конца.

РЫЖИЙ. Но я же тебе объяснил.

ЛЕНЧИК. Что ты объяснил? То, как он тебя бил? Как вы дрались? И как ты хочешь свести с ним счеты? Ну так и своди. Кто тебе мешает?

РЫЖИЙ. Да разве в этом дело?

ЛЕНЧИК. А в чем? Ну скажи? Ах да, в принципах. Так это ваше комсомольское дело. Мне эти принципы по барабану. Напридумывали себе черт знает что. А мне нужны деньги. Если тебе они не нужны, то это не значит, что и другим не нужны. Тем более, здесь не надо никого шантажировать. Здесь деньги сами в руки идут. (Показывая на кресло). Садись не мельтеши.

Рыжий продолжает стоять. Ленчик режет хлеб, колбасу. Ест.

РЫЖИЙ. К тебе это не относится.

ЛЕНЧИК. Как не относится, как не относится? Здесь нет наших и ваших дел. Валера, то, что было ваше, осталось там, в другой жизни.

Пауза. Ленчик продолжает есть.

Хорошенькое дельце, трястись три дня в какой-то Мухосранск, ну там ладно, не получилось. Лететь сюда – и теперь ради какого-то каприза или прихоти, все бросать и ехать обратно.

РЫЖИЙ. Какого каприза?

ЛЕНЧИК. А как это назвать? Ты что, приехал сюда, потому что соскучился и чтобы обнять и поцеловать его? Сам же потом пожалеешь.

РЫЖИЙ. Ты мне не веришь?

ЛЕНЧИК. А почему я должен верить? А вдруг это афера? Понимаешь, ты все хорошо рассказал, и про этого мастодонта, и про свою обиду на него, но ты не учел, что есть третий. Это я. И я не хочу быть лишним. Сделав шантаж способом зарабатывания денег, ты возвел его в разряд искусства, сдобрив красивой сказкой об униженном достоинстве. Я же не знаю о чем вы говорили с ним так долго.

Рыжий продолжает молча стоять. Видно, как у него начинается приступ головной боли.

РЫЖИЙ. Ты обещал рассказать про отца...

ЛЕНЧИК (усмехаясь). Еще одно журналистское расследование?

РЫЖИЙ. Он у тебя в ментовке служил?

ЛЕНЧИК. Было. Ушел на пенсию. Сейчас старший судебный пристав. Вот мужик, который все сделал сам, с какой стороны не посмотри. Карьеру? Пожалуйста: пришел участковым, ушел полковником, начальником отдела. Дом построил – лучший в городе. И все своим горбом. И детей к этому приучил. У нас ведь каждый на кого-то

надеется, ждет, что ему помогут. Но сейчас понемногу начинают понимать, что к чему. Да ты сам увидишь, вот закончим здесь, съездим, я тебя познакомлю с ним. (Достает из внутреннего кармана фотографии. Показывает Рыжему). Это он на приеме у Путина, это в Кремле с Президентом. И пожить любит. Как суббота, так всей компанией на речку. Охота, рыбалка. А баб! (Смеется). Тут, как-то хотели его в Чечню отправить, командиром батальона, так он всех друзей на рога поставил... И остался. Ну, а что? Правильно. Молодых что ли нету?

РЫЖИЙ. Я не о том.

ЛЕНЧИК. Если ты, про то, что был ли он на фронте, воевал, так я тебе уже сказал, нет не воевал. Во-первых, тогда еще пацаном был, а теперь – поздно. Про Чечню я тебе рассказывал... Дед тоже не воевал, у него что-то со зрением, всегда очки с диоптром носил.

РЫЖИЙ. Академик Королев.

Ленчик не понимает.

Я так называю всех, кто по тем или иным причинам не был, не участвовал, не состоял, как говорится, не отдавал жизнь за други своя. У меня дядька по матери, тоже был с диоптром, к тому же с чахоткой, преподавал в Москве в каком-то институте. Пошел в ополчение добровольцем и погиб.

ЛЕНЧИК. Нет, у нас, кто-то по отцовской линии, я слышал, тоже был на фронте, контужен, а троюродный брат второй жены моего тестя репрессирован. Ну все как-то по касательной: кто-то, где-то, а так чтобы в прямую? Никто.

РЫЖИЙ. А у нас так не получалось, к сожалению. Всегда и все проходило через нас. Оба деда – по матери и по отцу репрессированы и сосланы в Сибирь. Отец погиб под Белым, когда я под стол еще не ходил, хотя как шахтер отец имел бронь, мог не воевать.

ЛЕНЧИК. Ну я помню, ты рассказывал, как его кромсали по частям. Вначале одну руку, потом другую... Ну, что тут можно сказать? Судьба. Мужик отдал все, что у него было. Жизнь отдал. А те, против кого он воевал, вернулись, наверное, с фронта и ходили целы и невредимы? И женились, на вдовах погибших?

РЫЖИЙ. Ну, а как? И женились, и детей плодили, а потом, состарившись, с почетом и уважением почтили в бозе. Но так бывает часто, праведников постигает не то, чего они заслуживают. Все суета, как говорил Соломон Давидович. А еще говорят – кого бог любит, того и наказывает и благоволит к тому, как отец к сыну своему. (С усмешкой). Я вспоминаю, как мать с юмором рассказывала, как я пацаном, просил взять мне в отцы власовца, думал, что власовец это профессия. (Помолчав). У меня вопрос к тебе: вот у тебя отец, ты его уважаешь, любишь, у вас с ним хорошие отношения, ну это святое для тебя... Скажи – ты бы мог его... ну предать что ли, откеститься от него, забыть?

ЛЕНЧИК. Ну я же тебе сказал, что в этом смысле у нас все в порядке: да, не воевали, но слава богу, никто не бежал с фронта, в плену не был, не дезертировал. И с отцом... Ну так получилось с этой Чечней. Конечно, твой – герой, чего тут сравнивать.

РЫЖИЙ. Я не к тому, кто лучше, кто хуже... Ты его вспоминаешь, когда что-либо делаешь? Думаешь о том, как бы он поступил, как повел себя? Одобрил бы тебя?

ЛЕНЧИК. А что мне думать? Я знаю, как бы он поступил.

РЫЖИЙ. Всегда?

ЛЕНЧИК. Ну, а что? Я понимаю, тебе трудно представить. Ты не знаешь, твой погиб.

РЫЖИЙ. А этого разве мало?

ЛЕНЧИК. Да это все.

РЫЖИЙ. И все-таки, ты до конца не ответил мне.

ЛЕНЧИК. Мог я или не мог предать отца? Ну как сказать?..

РЫЖИЙ. Ну так и скажи.

ЛЕНЧИК. Да нет, пожалуй. И потом, какое это имеет отношение к нашему делу?

РЫЖИЙ. Ну так как?

ЛЕНЧИК. Ну чего ты пристал? Наверное, нет.

РЫЖИЙ. Наверное, или нет?

Оба смеются.

ЛЕНЧИК. Что значит мог предать – не мог? Мог откреститься, мог забыть? Сам же говоришь: жизнь есть жизнь. И тут не знаешь, каким боком все повернется. С одной стороны, понятно, что плохо, когда забываешь о ком-то ради своих интересов. А с другой – что вкладывать во все это? Иногда может и нельзя, а приходится. (Усмехается). И отца родного продашь. А если нужно, если без этого нельзя? Он у меня все понимает и не обижается. Да он сам говорит, крутиться, Ленька, надо, иначе не проживешь, тем более сейчас. Что не так?

Пауза.

А к чему ты все это? Что ты этим хочешь сказать?

РЫЖИЙ. Чтобы я сейчас ни сказал, все это слова. Мы произносим их, потому что нам так удобно. И не задумываемся о том, что за ними стоит. А ведь главное – поступок. Потому что, поступок определяет человека. Кем был бы Иисус без поступка? Великим проповедником. А с поступком он – Мессия.

ЛЕНЧИК. И Кеннеди?

РЫЖИЙ. Да и Кеннеди. И Солженицын...

Пауза.

Я дважды предавал своего отца. Первый раз я предал его, когда работал на шахте. Я не мог говорить о нем, потому что там не принято было, чтобы не обидеть тех, кто воевал на другой стороне. У нас был Владимир Николаевич Ильин – начальник отдела вентиляции. В войну он служил вместе с Александром Зиновьевым. По ночам они летали бомбить Берлин. Он тоже стеснялся и никогда не носил наград и не говорил о своих заслугах. Второй раз я предал, когда пришел на студию. Там также не говорили о войне и вообще, что касалось этой темы. Об этом либо не упоминали вовсе, либо говорили в уничижительно-шутливом тоне. Отчасти это было связано с тем, что наш начальник, старый еврей, которого многие недолюбливали – был фронтовиком и постоянно рассказывал об этом, носил ордена, отмечал все военные праздники. (Тогда еще не решались называть войну ссорой двух тиранов. Вот де мол поссорились Гитлер со Сталиным, а другие, как дурачки пошли воевать). Но главное, у всех, с кем я работал – отцы не воевали, оставались в тылу (ну как же без тружеников тыла?!). У одного директором ликероводочного завода, у другого полковником милиции, у третьего проектировщиком, у четвертого просто рационализатором. Не могу сказать, какими на самом деле были предки моих коллег, но я знал о них все или почти все – и какие те замечательные охотники и рыбаки и как прекрасно они готовят, и как они болеют за ту или иную футбольную команду. Каждый из моих друзей говорил о своей наследственности, о своих генах, а если о родителях, то только в превосходных степенях. И это, как бы отсветом, ложилось на них самих. Признаться, поначалу, я не знал, как к этому относиться, переводил разговор на другую тему, но мои товарищи, надо сказать, не отличались политкорректностью, а их рассказы были настолько яркие и убедительны, что мне ничего не оставалось делать, как смириться и слушать. Да и что я мог сказать про отца, если я его никогда не видел и не знал. Ну погиб да погиб, а придумывать что-то не хотелось да и зачем? Особенно запомнился один, который оказался моим соседом по даче. Он считал за долг постоянно рассказывать мне о своем отце, какой он был мудрый и добрый и как он в 49-ом году возил его в Москву в Третьяковскую галерею. Я эту историю знал на зубок, до мелочей, во всех ее подробностях! И вскоре я заметил, что мне это интересно. И память об отце отошла куда-то на второй план, в сторону. Я стал забывать отца и вскоре совсем забыл, как будто его и не было никогда.

ЛЕНЧИК. Надеюсь, во Франции ты не рассказывал об этом? Ну и правильно. Но здесь не Франция и не пляж на Средиземном море. У нас с тобой бизнес, общий интерес. А когда один в лес, другой по дрова... Да и ты не Солженицын.

Пауза.

Вот вы напридумывали себе черт знает что – принципы, понятия. Нравственно – безнравственно. Духовность – бездуховность... Все это только слова. Скажи, а вам самим-то не скучно? Мне, например, это по хрену. Я этого не знаю, и знать не хочу. И потом, кто сказал, что надо относиться к людям так, как ты хочешь, чтобы они относились к тебе?

РЫЖИЙ. Мой друг – он начальник колонии – так вот он говорит: бояться надо ни убийц и разбойников – с этими можно договориться, они предсказуемы, а бояться надо тех, кто вообще без понятий. Они и бабушку-старушку могут через дорогу перевести и тут же могут ее и убить. Им все равно.

ЛЕНЧИК. Ну зачем утрировать? К людям должно относиться так, как они к тебе относятся. (Снова выпивает). Валера, ну о чем мы говорим? Ты старше меня на

много, а рассуждаешь, как ребенок. Ну нету этого и не было, а если и было, то где-то там, в той вашей жизни. И уверен уже не будет. Или будет?

РЫЖИЙ. Сейчас нету...

ЛЕНЧИК. И демократия будет, да? Ты в автомобильных пробках бывал, нет? Выгляни в окно, сколько там у каждого подъезда иномарок? Вот и вся ваша демократия: побольше машин, побольше шмоток. И все довольны. А ты еще о чем-то говоришь. Да кому это нужно? Или ты по принципу: лишнего не бывает? Просто всему свое время, авось еще пригодится? (Усмехается). А ведь прошло каких-то двадцать лет, а как все поменялось.

РЫЖИЙ. Мне нужно, ему нужно.

ЛЕНЧИК. И ему также нужно. Если бы ему было нужно, он бы подумал, прежде чем красть миллионы.

РЫЖИЙ. А что есть?

ЛЕНЧИК. Садись. Прошу тебя. Есть Франция, где все хорошо и прекрасно. Есть любимая женщина, которая тебя ждет, ты можешь с ней жить, купаться, загорать, дегустировать лучшие вина, любоваться Майолем, и получать от этого удовольствие. Там ты можешь закончить свое расследование и объявить, наконец, о том, что случилось осенью шестьдесят третьего в Алабаме, и кто убил тридцать пятого президента Соединенных штатов. А Ключевая, это, как говорится, для души. Но для этого всего нужна вот эта тетрадка и бабло. Которое мы можем пойти и срубить, потому что это наша работа... И за него шибко не переживай. Не такой уж он слабый и беззащитный. Тертый калач. Вывернется. То, о чем ты сейчас говоришь, мы с тобой читали у Бердяева: и про то, что у нас всегда недовольство тем, что есть, и про то, что у нас постоянно жажда иной жизни, иного мира. И то, что все мы по своей природе люди конца, и живем с ощущением апокалипсиса... И все-таки ты меня не убедил. Но дело даже не в этом.

РЫЖИЙ. А в чем?

ЛЕНЧИК. Чтобы поступить так, как ты предлагаешь, нужны очень веские основания. Причины. А вот этого как раз я и не вижу. Я говорил и еще раз повторю: прежде всего надо решить чего мы хотим от него? Денег? Ну так и надо, пойти и забрать их. А не входить в его положение, не выяснять насколько он виноват, на тридцать или на семьдесят процентов. А то как-то неловко получается. С одной стороны вы постоянно говорите о том, что надо жить нормально, как все цивилизованные люди, с другой – признаете и даже кичитесь своим детским восприятием мира, первичной стихийностью в отличие от рационалистов Запада. А так не бывает: тут либо, либо. Определитесь кто вы. А то хотите, и рыбку съесть и на хрен сесть. Ну о чем мы говорим, Валера? Скольких мы причесали на Севере? Скольких на крючок посадили? И не надо ничего усложнять, все просто. Помнишь, что тебе ответил старый лама в Улан-Удэ, когда ты спросил его: «Зачем человек живет?» Он тебе показал на кошку: «А зачем она живет?» Думаешь, я не понял, почему ты спрашивал о моем отце и что ты хотел узнать? Ты надеялся услышать о монстрах, но твоим надеждам не суждено было сбыться. Ты не услышал ничего такого, что подтверждало твои подозрения. Да иначе и не могло быть. Потому что мои родители нормальные люди. Может не такие, как у тебя. Без громких поступков. И я такой же, как они, нормальный человек, в отличии от тебя. (Подвигает стакан). Выпей.

Рыжий выпивает.

РЫЖИЙ. Ты не сделаешь этого.

ЛЕНЧИК. Хочешь казаться лучше, чем ты есть? (Смеется). Конечно, приятно иметь что-нибудь такое на память. Например, вот эту тетрадку, чтобы в глубокой старости иногда открывать ее, читать и вспоминать, каким ты был благородным и гуманным. И как по-рыцарски ты поступил со старым мошенником, который умудрился украсть огромные деньги, а потом раскаялся.

Пауза.

РЫЖИЙ (задумавшись). Да... Ты помнишь был такой министр железнодорожного транспорта Аксененко? Мы его как-то снимали с тобой.

ЛЕНЧИК. Что-то припоминаю. Это его обвиняли в огромной краже денег?.. А причем тут это?

РЫЖИЙ. Да, он заболел раком и умер в Израиле. Они были друзьями с Ачиновичем. Так вот, в бытность министром Аксененко построил потрясающий вокзал на своей родной станции, храм и школу. Ачинович мне так и сказал, а чем я хуже его. Я тоже хотел оставить о себе память, построить угольный карьер. А знаешь где? На месте, где протекает Ключевая.

ЛЕНЧИК. Постой, постой? На каком месте? Какая Ключевая? Ты о чем говоришь?

РЫЖИЙ. Ну Ключевая. О которой я тебе все уши прожужжал.

ЛЕНЧИК. А-а, Ключевая. А что Ключевая?

РЫЖИЙ. Судженск, где он вырос, стоит там, где протекает Ключевая. Это его родина, вернее то место, куда его годовалым мальчишкой привезла мать.

ЛЕНЧИК. Так вы земляки?

РЫЖИЙ. Да. Оба с одного корня. И там же вырос, где и он. Жил с матерью, братом и сестрой. И то, что он вернулся и здесь стал строить карьер, тоже не случайно. Он мог бы выбрать и другое место. С его связями, авторитетом это было не сложно, где-нибудь в Южном Кузбассе, где и пласты получше, и добыча дешевле. Но он выбрал свой маленький городок, в котором он вырос, где его знали, и которому он считал себя во многом обязанным. С карьером он связывал большие надежды. И я думаю у него все бы получилось, если бы...

Пауза.

А сейчас там ходит по улицам вербовщица из местных, некая Иванова, и отбирает молодых девчонок для работы в бордели Ближнего Востока. Несколько таких групп по десять-пятнадцать человек уже отправила. Вначале на смотрины в Стамбул, а оттуда кого куда. Оплата за голову. Мне это рассказал Аркадий Мамонтов, он там делал передачу. На днях готовится новая партия. Кстати, среди тех девчонок, которые уехали и моя родня. Внучки моего брата.

Пауза.

Не знаю почему он не провел дополнительную экспертизу, ограничившись документами полувековой давности. Бросился, как головой в омут, что привело его к такому печальному концу. Но иногда бывает, когда логика и расчет отступают, а верх берут эмоции и желания. Думаю, что тут, именно, тот случай. Он спешил и эта спешка как-то оправдывает его: к тому времени, когда он начал строить, а точнее, решился на строительство карьера, в городе уже не было ни одной действующей шахты. А последняя швейная фабрика, где в основном работали женщины, была на грани банкротства.

ЛЕНЧИК. И за это его уважать? Но у него ничего не получилось?

РЫЖИЙ. Можно, конечно, и так сказать. Ну проиграл и проиграл. Это его проблемы. Сам виноват, думать надо. Вопрос в другом. Зачем он все это делал? Надеялся войти в историю, оставить о себе память? Да. Но в отличие от своего друга Аксененко, главным для него было не широкий жест и не разовая подачка, пускай и большая. По его глубокому убеждению лучшим подарком для жителей его городка стало бы работающее, оснащенное современной техникой, предприятие. С этой целью он и затеял строительство карьера. Затял с нуля. В то время, когда другие, так называемые предприниматели, гребли себе все, что могли, пользуясь тем, что разрешено все, что не запрещено. И я считаю, он был прав. Поэтому, при всем твоим желании, я не могу с тобой согласиться и принять твоё предложение. Он хотел помочь своему маленькому городку выпутаться из труднейшей ситуации, в которую тот попал после закрытия шахт. Но не получилось. Бывает. Так, что его за это камнями забить?

ЛЕНЧИК. Патриот хренов. (Через паузу). А как же твоя пресловутая цепочка? На небе – рай. (Показывает в низ). Там – ад, а на земле особый отдел и наказание за грехи. В таком случае, ты сам себе противоречишь. Ты же сам говорил, что человек не случайно придумал ее, чтобы люди жили и боялись. Чтобы всегда был компромат и всегда кто-то на кого-то стучал. Был он начальником – держал тебя на крючке, потом ты – его или я – тебя. И у всех был компромат: у него на тебя, у тебя на него, у меня на тебя.

РЫЖИЙ. На меня?

ЛЕНЧИК (смеется). Ну это я так. И теперь ты хочешь разрушить эту цепочку? На что ты замахиваешься? Ты бросаешь вызов самим богам. Ничего у тебя не получится. Потому что, нас очень много и один, даже самый яркий поступок, ничего не изменит. Так что, решай сам. Каждый волен поступать, так, как он хочет. Мое мнение ты знаешь. Я тебе сказал. Ну чего молчишь?

Пауза.

РЫЖИЙ. Да вот смотрю... (Морщится от головной боли.). Ты не сделаешь этого... Не сделаешь... (Как попугай бубнит он. Видно, что головные боли у него усиливаются. У него начинается приступ).

Ленчик не замечает этого, увлеченный ужином.

ЛЕНЧИК. А что мне будет? Убьешь или в милицию сдашь? Попробуй. Но это не в интересах ни твоих, ни твоего заказчика. В любом случае, хочешь ты того или нет, все вы, и ты, и он, и твой заказчик, вот где. (Показывает зажатый кулак). У меня на крючке. А ты как думал? В лесу жить и медом не обмазаться. Рано или поздно это должно

было произойти. Сколько людей ты загробил, сколько разорил? Сколько поймал на крючок? Теперь твой черед. Роешь яму другому, рой с меркой на себя. Вот так оно.

Откуда-то сверху, раздается уже знакомый нам звук лопнувшей струны. Наступает тишина. И в тот же момент Рыжий бьет Ленчика стулом по голове. Ленчик пытается встать, но Рыжий бьет его еще и еще пока он не затихает. Все это напоминает давнюю драку Рыжего с Ачиновичем. Затем Рыжий устало опускается в кресло. Из глубины сцены появляется вереница людей, какими они видятся в восполненном мозгу Рыжего: мать, Анна Ивановна, Кеннеди, мужики из бригады и люди совершенно незнакомые, с которыми он когда-то соприкасался в жизни. Последним выходит отец, каким он остался на фронтовых фотографиях. Они окружают Рыжего, образуя своего рода греческий хор, потом исчезают. Рыжий сидит в кресле, пока телефонный звонок не возвращает его к реальности. Он встает, оттаскивает Ленчика на середину комнаты, щупает пульс. Не- спеша связывает руки и ноги. Затыкает рот полотенцем. Обыскивает. Найдя синюю тетрадь, кладет ее в карман. Снова звонит телефон. Рыжий отвечает. Разговор по-французски. За сценой звучит мужской голос переводчика.

- Бонжур Валера.
- Слушаю тебя милая.
- Ты занят? Я тебя не оторвала от дел? Может мне перезвонить?
- Нет все нормально. Я уже закончил.
- У тебя действительно ничего не произошло?
- Я же тебе говорю. Но если ты так настаиваешь, я скажу. Просто сегодня я снова пережил сцену из Сент-Экзюпери и нахожусь под ее впечатлением.
- Какую сцену?
- Какую сцену? Ну ту из «Письма к заложнику», которую мы с тобой читали. Когда он по ошибке, попал в плен к республиканцем, без документов и его приняли за шпиона, арестовали и хотели расстрелять.
- А-а, это было ночью, когда его привели на допрос и все были настроены враждебно против него?
- А он не знал католонского языка, но его выручила улыбка, когда он попросил у одного из конвойных сигарету и при этом улыбнулся. А в ответ человек дал ему закурить и тоже улыбнулся. И это все решило.
- Тебя хотели убить?
- Да не меня, скорее я хотел убить.

- А он что?
- А он улыбнулся. И все изменилось. Я понял, что он и я – человеки. Что какими бы разными мы не были, нас связывает нечто большее, чем просто работа, дружба. Ну как бы это сказать? Нас связывает дух.
- Дух? Какой дух? У вас, у русских, либо сплошное хамство, либо дух, середины нет.
- (смеется). Да, это так.
- Но ты его не убил?
- Я же говорю: он попросил закурить.
- Но ты же не куришь?
- Да причем тут это. Он улыбнулся и я тоже. И мы поняли друг друга.
- Ничего не понимаю. Ты скажи, когда ты собираешься к нам?
- Думаю, завтра утром.
- Завтра? Ну и прекрасно. Но ты же хотел через неделю, не раньше? У тебя что-то не получилось?

Стонет Ленчик, приходя в себя.

- Все в порядке, а ты что, не рада? За эти дни пока я здесь, я многое передумал и кое-что, по-моему, понял. Впрочем, можно сказать и так, что, случилось.
- Понял? Ты о чем говоришь?
- Теперь я точно знаю, кто убил Кеннеди.
- А при чем тут Кеннеди? Ты мне про него не рассказывал. Он кто, твой родственник? Дядя? Брат?
- (хохочет). Ты не знаешь кто такой Кеннеди? Ну, можно сказать, что брат. Я тебе обязательно, как приеду, расскажу о нем. А пока обнимаю, целую, люблю. До встречи! (Забирает вещи, идет к двери. Подумав, возвращается, проверяет крепко ли связан Ленчик, затаскивает его в ванную. Берет вещи и выходит из номера, закрыв его на ключ).

ЗАНАВЕС